

18+

Мария Эмви

Рейвенкрофт

Тайна вороньего поместья

Мария Эмви

**Рейвенкрофт. Тайна
вороньего поместья**

«Издательские решения»

Эмви М.

Рейвенкрофт. Тайна вороньего поместья / М. Эмви —
«Издательские решения»,

Наследник завода автоматонов, погрязший в долгах и обвинениях, сводит счеты с жизнью в собственном кабинете, но так просто уйти ему не дают. Колдри Рейвенкрофт получает от Жнеца Смерти вторую жизнь в обличие демона и возможность расследовать смерть родителей и спасти именитый завод от запятнанной чужими руками репутации. Хотя и цена этого оказывается непосильно высока, даже для привыкшего идти на неоправданные риски наследника Рейвенкрофтов.

© Эмви М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рейвенкрофт. Тайна вороньего поместья

Мария Эмви

© Мария Эмви, 2026

ISBN 978-5-0070-7220-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В котором я совершаю глупость и немедленно об этом жалею

Честно говоря, я ожидал от смерти большего. Не фейерверков, конечно, но хотя бы небесного хора, эпичных раскатов грома, вспыхивающих над головой видений всех моих преступлений... А получил стол, чернильницу, растекшуюся по бумагам кровь и весьма не эстетично разглядывающее потолок мое собственное лицо. Не то чтобы я мог на что-то жаловаться. Выстрелил-то я сам.

Некоторое время я просто смотрел на самого себя лежащего поперек письменного стола в моем кабинете в родовом гнезде Рейвенкрофтов, украшении лионских холмов и проклятии моего существования. Свечи догорали в канделябрах, за окнами, где-то далеко внизу, шуршал ночной Лион. До моего кабинета эти звуки доходили как будто из-под воды. На персидском ковре растекалось темное, почти черное в свете свечей, пятно. Рука (черт возьми, моя собственная рука!) все еще удерживала пистолет. Хороший пистолет, кстати, лучшая работа городского оружейника. Любопытная деталь: даже на нем виднелся крошечный штамп «R», знак нашего завода. Как же трогательно — умереть, держа в руках собственное изделие! Я бы усмехнулся, но, кажется, в нынешнем состоянии не могу этого сделать.

— Потрясающе, — произнес чей-то голос за моей спиной. — Даже будучи по ту сторону жизни вы умудряетесь думать о клеймах и марках. Настоящий промышленник, мсье Рейвенкрофт!

Я обернулся. Это оказался мужчина средних лет, высокий, статный, с правильными чертами лица, какими их любят рисовать художники, когда заказчик платит щедро и не терпит недостатков. Длинные черные волосы были собраны в низкий хвост, костюм у него был темный, безупречного покроя. Ни одной пылинки, ни единой складки, будто только что вышел из коробки лучшего портного Лиона. И в этом не было ничего особенного, кроме одного. Я совершенно точно знал, что в поместье не было ни одного подобного человека, а на улице царил глубокая ночь.

— Вы кем будете? — скептически произнес я. Голос прозвучал глухо, как будто в комнате повесили еще один тяжелый гобелен.

— Призраком дурного вкуса? С учетом того, как безынтересно вы меня разглядываете, — предположил он. — Или, быть может, плодом вашей перенапряженной фантазии?

Незнакомец скользнул взглядом по моему брэнному телу на столе и добавил:

— Хотя фантазия, как я вижу, у вас работала куда хуже, чем ваши изобретательные руки.

Я машинально шагнул к нему навстречу, и только тогда заметил, что не слышу собственных шагов. Точнее, не слышу вообще ничего, кроме голоса этого мужчины и приглушенного шепота города далеко внизу. Ни скрипа половиц, ни шороха ткани, когда я обернулся. Я даже тени не отбрасывал на половицы! Очень аккуратно, чтобы не выдать нахлынувшую панику, я посмотрел на свое запястье. Кожа была бледной и полупрозрачной. Через нее я сейчас без труда мог разглядеть затейливую резьбу на ножке стола.

— Так, — это была отчаянная попытка говорить ровно, не выдавая эмоций. — Полагаю, все это не сон.

— Обычно все люди, которых я встречал, надеялись, что это сон, — заметил незнакомец. — Некоторые проверяют, могут ли ущипнуть себя, чувствуют ли боль. Но вы и так неплохо поработали, не вижу смысла в излишних попытках.

Модник подошел к столу и без малейшего брезгливого выражения на лице наклонился к моему телу. Аккуратно поправил прядь волос, прилипшую к окровавленному лбу.

— Удачный выстрел, почти без агонии. Вы предусмотрительны, мсье Рейвенкрофт.

— Перестаньте уже так формально обращаться, — раздраженно произнес я. — Мне привычнее, когда меня называют по имени. Я ведь еще не старик какой.

— Как вам будет угодно, Колдри, — легко согласился он, и как будто едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. При этом его глаза, серые и холодные, блеснули каким-то странным любопытством. — Но к формальностям, увы, мне все же придется вернуться. Итак, вы умерли. Самостоятельно, быстро, без посторонней помощи, если не считать пистолет, конечно. Но он, как я вижу, тоже ваш.

Я посмотрел на свое бездыханное тело. Вот странности, ужас от вида крови был слабее, чем неловкость от того, как нелепо я лежу, уткнувшись щекой в кипу векселей.

— Отлично, — вырвалось у меня. — Даже умер я в долгах. Буквально.

— О, с долгами вы еще не закончили, — вежливо заметил мужчина. — Поверьте, Колдри, это только начало.

Незнакомец выпрямился и слегка поклонился, как на светском вечере.

— Позвольте представиться. Меня зовут... — он задумался на долю секунды, — назовите меня, скажем, мсье Мортье. В данном контексте это даже забавно. Но точнее меня сможет описать другое слово.

Он улыбнулся и произнес:

— Жнец.

Я моргнул. Тупо по привычке, потому что веки мне уже и ни к чему были.

— Жнец чего?

— Душ, — корректно пояснил он. — Вашу, в частности, пришел проводить.

Из меня вылетел шумный вздох. Еще одна привычка.

— Ну, разумеется. При жизни то и дело бегал от нотариусов, банкиров и коллекторов, так теперь и потусторонние инстанции подключились в этот перечень.

— Ваша ирония достойна восхищения, — сухо ответил Жнец. — Обычно на этом этапе люди кричат, молятся, торгуются. Иногда пытаются сбежать. Вы же ухитрились начать с сарказма. Запишу-ка себе.

Так называемый мсье Мортье извлек из воздуха (иначе я не мог это описать) небольшой блокнот в кожаном переплете и сделал в нем быструю пометку. При этом я не увидел ни чернил, ни пера.

— Так и что дальше? — устало спросил я. — Утащите за собой в огненные недра, где меня за недостаточную набожность будут жарить на вертеле?

— Как грубо вы мыслите, — покачал головой Жнец. — Никаких вертелов. Впрочем, если говорить насчет мучений, то вы ушли недалеко от истины.

Мужчина кивнул в сторону стола.

— Дело в том, Колдри, что ваш уход оказался довольно неудачно спланирован. С вашей точки зрения, возможно, все выглядело логично. Родители мертвы, завод в долгах, как в шелках, город шепчется о безумии Рейвенкрофтов, кредиторы ломятся в двери. В какой-то момент вы решили, что единственное, чем вы все еще управляете, это собственная жизнь. Типичная иллюзия контроля.

— Благодарю, — буркнул я. — Вы отлично умеете обращаться с душевными ранами. Продолжайте, мне уже почти легче.

— Терпение, мой друг, — сказал он. — Боюсь, сейчас легче не станет.

Жнец щелкнул пальцами. Чисто театральный жест, но свечи вдруг вспыхнули ярче, и я снова увидел себя. Вот только не лежащего на столе, а проживающего последние несколько лет. Картинки летели, как в ускоренном фонографе: похороны родителей у разрушенного цеха завода, кабинет банкира Делорма, его бескровная улыбка и пачки векселей, светские салоны, где шепчутся за спиной, кивая в мою сторону, очередной отказ в займе, письма с угрозами... И

наш великий завод автоматов, с остановившимися машинами, замолкшими шестеренками и пустыми окнами цехов.

— Достаточно, — глухо сказал я. — Я там был, мне хватило.

— Вы там были, — согласно повторил Жнец, кивая, — и сбежали оттуда самым дешевым способом, какой только есть. Увы, мир по ту сторону не любит таких решений. Особенно когда речь идет о самоубийстве.

— Что тут сказать, я догадывался. Помню, как в детстве я был свидетелем того, как повесился наш сосед. Приехавший на проповедь священник тогда сказал: «Сам себя убил, так получи вечный позор и муки, спасения не жди». Его семья тогда, разве что, не аплодировала за такую поддержку.

— Ваши священнослужители сгущают краски из лучших побуждений, — заметил Жнец. — Но суть верна. Путь, который обычно проделывает душа, вам заказан. Перерождения не будет, по крайней мере, не в обычном понимании.

Он сделал еще один шаг ко мне, теперь между нами было не больше аршина. Я краем глаза зацепилась за тонкую вышивку на его манжетах — крошечные серпы, сплетающиеся в узор.

— Однако, — продолжил мсье Мортье, — в мире, где люди додумались соединять шестеренки с музыкой, а куклам дарить движения почти живых существ, иногда открываются дополнительные варианты.

Я уставился на него в попытках найти логику в услышанном.

— Поясните.

— С удовольствием. Вы можете пойти по обычному пути самоубийцы: наказание, очищение, медленное и болезненное, но, возможно, когда-нибудь завершающееся допуском к новому рождению. Или же...

Жнец чуть наклонил голову, его взгляд стал более внимательным, как у коллекционера, оценившего редкий экспонат.

— Или же вы можете вернуться.

— Простите? — я не сразу поверил, что ослышался именно так, как ослышался. — Вернуться куда? В тело с пробитой головой и мозгами на стене?

— В мир живых, — терпеливо повторил он. — Не совсем в прежнем качестве, разумеется. Прожить можно и без физического тела, если знать как.

— О, да, звучит восхитительно. «Призрак в вороньем поместье»! Буду пугать горничных и наводить порчу на котел с похлебкой. Намерения у вас серьезные, мсье Мортье, ничего не скажешь.

Он улыбнулся уголком губ.

— Призрак это побочный продукт, меня интересуют сущности другого рода. Скажем так: вы можете быть полноценным агентом по сбору душ, действующим на контрактной основе.

— Агент по сбору душ, — я медленно выдохнул. — Это вы сейчас мне что предлагаете, устроиться к вам на службу?

— Не ко мне, — поправил мужчина. — Законы мироздания несколько сложнее, чем просто «работать на Жнеца». Но да, суть примерно такова. Мы называем таких демонами. Люди любят это слово, в нем достаточно драматизма для ваших опер и бульварных романов.

— Чем дальше, тем веселее, — мои глаза театрально закатились. — И в чем будет состоять моя... должностная инструкция?

— Все очень просто, вы получите силу. Возможность длительное время находиться в мире живых, влиять на него, мстить, если хотите. Но за это вы должны будете исполнить единственный, но важный контракт. Вы находите человека, заключаете с ним договор и в конце забираете его душу для нас.

Я молча смотрел на него несколько долгих ударов воображаемого сердца.

— Ага. То есть, вы предлагаете мне стать коллектором? Только вместо серебра я буду выбивать душу.

— В сущности, да, — пожимая плечами, ответил Жнец. — Учитывая ваш опыт общения с коллекторами, я вижу интересную перспективу.

Меня передернуло.

— Есть нюансы, — продолжил он. — Во-первых, вам придется строго соблюдать условия договора. Любая попытка обмануть, и вы лишитесь всего незамедлительно. Во-вторых, вы не можете взять чью угодно душу. Я должен буду ее взвесить и одобрить. Чем она светлее и чище, тем больше времени вы получите на свое существование.

— То есть вы предлагаете мне стать хищником, специально нацеленным на тех, кто этого менее всего заслуживает?

— Колдри, законы равновесия жестоки, а вы уже нарушили один из них выстрелом себе в голову, — едко ухмыльнулся Мортье. — Это лишь способ восстановить баланс с пользой для обеих сторон.

— А в конце? — спросил я, в очередной раз поражаясь своему голосу, сухому, как лист пергамента. — Я исполняю контракт, вы забираете душу выбранного человека, а со мной-то что?

— Вы прекращаете существование. Полностью. Без мучений, без возрождения, без надежды. Вы станете... ничем. Но это справедливо, ведь вы получите время, силу и возможность довести до конца свои незавершенные дела. Эквивалентная сделка.

Я облокотился на край стола, тот самый, где все еще лежало мое тело, и с запоздалым изумлением обнаружил, что не чувствую ни древесины, ни липкости крови. Мои пальцы просто уходили в поверхность, как в туман.

— А если я откажусь?

— Тогда вы отправитесь туда, куда отправляются все самоубийцы, — мягко ответил Жнец. — На долгий, очень долгий путь боли, одиночества и покаянного размышления. Возможно, через столетия вы сможете переродиться. Возможно и нет. Никто не дает гарантий.

Он помолчал и добавил:

— Вы же любите гарантии, Колдри. Судя по вашим торговым договорам.

Я тихо рассмеялся. Вот только смех прозвучал, как ветер в водосточной трубе. Перед глазами снова всплыл завод. Высоченные стены цехов, прозрачные купола, под которыми танцевали медные шестерни и стальные руки. Автоматоны, играющие на скрипках, механические птицы, машущие крыльями над площадью. И все это затянутое паутиной и пылью, потому что кредиторы вычистили наши счета до дна, а родители...

Официальная версия — несчастный случай, взрыв в экспериментальном цеху. Неофициально же было слишком много странных совпадений, слишком много людей, кому было выгодно, чтобы великие Рейвенкрофты исчезли с игрового поля. Я вспомнил погребальную процессию, ироничный шепот за спиной: «Вот оно как, даже гении горят, когда играют с огнем». Вспомнил пустые глаза банкира Делорма, когда тот с ледяной вежливостью перекладывал изящное перо с одной бумаги на другую, подписывая очередной акт о залоге. Вспомнил смех Валкура — маркиза, мецената и создателя «приемов века», где в центре зала танцевали наши автоматоны, уже купленные за гроши.

Если честно, мне действительно было чем заняться.

— Допустим, я соглашусь, — медленно произнес я, — тогда я смогу вернуться сюда? В это поместье? В Лион?

— Безусловно, — кивнул Жнец. — Более того, вы будете привязаны к этому миру и, поначалу, к этому дому. По мере исполнения договора радиус ваших возможностей расширится, вы сможете искать подходящую душу.

— И мстить тем, кто разрушил все, что у меня было?

Мужчина посмотрел на меня с каким-то особенным интересом, отчего мне на мгновение стало не по себе.

— Способность мстить, Колдри, появится у вас сама собой. Вопрос в том, что вы сделаете с этой способностью.

Я закрыл глаза. Смешно, но это помогало думать. В одном варианте я получал бесконечный коридор с дверями, за которыми меня ждало все то, что рисовали огненные проповедники на кафедрах. В другом — ограниченное время, но я сам выбирал, как его потратить. На месть, на расследование, на попытку понять, что случилось с родителями. На что-то большее, чем глупое самоубийство в молодом возрасте под шепот сплетен. И в конце я исчезал без продолжения и без шансов. Вопрос заключался в том, доверяю ли я миру после смерти больше, чем до нее.

— А если я найду не «чистую» душу? — приоткрыв глаза, задумчиво произнес я. — Хотя я, если честно, не особо понимаю, каким образом должен это вычислять.

Краешки губ Жнеца дрогнули.

— Не переживайте, вы их без труда узнаете. Но вы должны знать, чем темнее душа, тем меньше времени у вас будет. Берете убийцу, получите несколько дней земной жизни. Вора — месяц. Лжеца, подлеца, но способного к раскаянию — возможно, полгода. Если же с вами заключит контракт истинно светлая душа, то срок может быть продлен от года до трех лет. Выбор за вами, Колдри, я лишь сообщу цену.

— Ну, конечно, — сказал я. — Даже здесь все сводится к счетам. Ладно, мне уже сейчас нужно принимать решение, верно?

Слова выходили тяжело, в них появлялось то знакомое ощущение, как когда я подписывал рискованный, но выгодный контракт. Я перевел взгляд со своего тела за столом на, с нетерпением ожидающего моего ответа, Жнеца.

— Я согласен. Возвращайте меня, мсье, а то поднакопилось слишком много вопросов, на которые я совершенно позабыл найти ответы. И парочка претензий.

— Я так и думал, — едва слышно произнес мужчина, расплываясь в улыбке. Блокнот исчез из его рук. Комната на мгновение потемнела, и я почувствовал, как под ногами растворяется пол. Мои пальцы, руки, все тело начали размываться, словно кто-то буквально вытирал меня с мира, как пятно с окна.

— Небольшое предупреждение, — донесся до меня голос, чуть глухой будто из другого зала, — Пока вы не заключите договор, вы будете крайне слабым. Почти, как вы сами выразились, привидением, к тому же, привязанным к поместью. Прежде чем бросаться мстить, найдите, за кого вы готовы заплатить окончательную цену.

— Я уже заплатил, — хотел возразить я, но рта у меня уже не было. Мир оборвался, как натянутая до предела нить. Когда я очнулся, если это можно назвать пробуждением, все выглядело почти так же. Мой кабинет, те же свечи, тот же стол. Только на столе не было меня. Точнее, тело было, но оно мне уже не принадлежало.

В комнате сутились люди. Старый дворецкий, бледный как мел, трясущимися руками пытался расстегнуть жилет на мертвом Колдри. Молодой слуга лил воду на платок, как будто обливание могло что-то исправить. Кто-то рыдал за дверью. Я же стоял в углу и внимательно смотрел на то, как живые пытаются оттащить мертвого от векселей, словно надеялись, что с его телом исчезнут и бесконечные долги.

— Какое трогательное зрелище, не правда ли? — отозвался знакомый голос. У камина, развалившись в кресле, которого я раньше не видел в этом кабинете, сидел Мортье. Ноги на подлокотнике, руки сцеплены на груди, взгляд его был ироничен. Только теперь, в свете дрожащего огня, я заметил еще одну деталь: за его спиной, в глубине каминной тени, что-то шевелилось. Как будто в самой тьме крутились колеса.

— Добро пожаловать обратно, Колдри, — сказал он. — Дом, как вы видите, все еще ваш. Вопрос в том, надолго ли.

Я посмотрел на свой труп, потом на него, и, к собственному удивлению, понял, что впервые за очень долгое время чувствую не только отчаяние, но и интерес.

— Посмотрим, — уверенно ответил я. — Сначала мне нужно разобраться, кто именно довел меня до этого выстрела.

А затем, усмехнувшись, я добавил:

— Обещаю, в этот раз я буду гораздо аккуратнее с контрактами.

В тот момент я еще не знал, что очень скоро в двери Вороньего поместья постучится человек, который станет моим сущим проклятием и единственной причиной, по которой я вновь пожалею о сделке.

Но обо всем по порядку.

Глава первая

В которой я обнаруживаю, что быть призраком немного скучнее, чем быть должником

Это прозвучит странно, но отсутствие официальных обязанностей уже в первые дни стало для меня ужаснее самого факта, что я теперь вовсе некая бестелесная сущность, застрявшая между мирами. Живым я хотя бы знал, во сколько ко мне придет банкир, во сколько забежит поверенный, и во сколько я в очередной раз усядусь за стол, чтобы смотреть на векселя, как кролик на удава. Теперь же мой распорядок дня выглядел так. Утром я наблюдал, как слуги перешептываются у лестницы, в полдень, как они же перетирают новые сплетни с садовником, а вечером как садовник обмозговывает все услышанное наедине с бутылкой. И никакой возможности ударить кулаком по столу, швырнуть в стену стакан или хотя бы вежливо попросить всех перестать наигранно-грустно вздыхать в моем кабинете, будто это концерт для оркестра со скрипкой с целым хором бездарных слушателей.

— Зато, — сказал Мортье, когда я поделился этим наблюдением, — вам больше не звонят кредиторы.

— Как пить дать звонили бы, если бы существовал способ проложить линию в загробный мир, — мрачно ответил я. — Уверен, Делорм уже обдумывает такую возможность.

Мы сидели на скамье у ворот поместья. Вернее будет сказано, сидел только мой собеседник, я же испытывал на себе состояние, которое можно было описать, как нечто среднее между «стоять» и «парить в воздухе». Огромные кованые створки с витыми вензелями «R» были распахнуты настежь: в поместье въезжала скрипучая телега с досками, слугами и профессиональной скорбью на их лицах. Все готовились к похоронам.

— Не обманывайте себя, — невозмутимо произнес Жнец. Сегодня он уже был не в безупречном, но абстрактном костюме, а в вполне себе земной ливрее привратника: темном кафтане с серебряными пуговицами, держа под мышкой аккуратную треуголку. — Кредиторы всегда найдут путь. Даже если для этого придется открыть новое отделение в чистилище.

— У вас своеобразное чувство юмора, мсье Мортье, — с кислой миной ответил я. — Для существа, которое специализируется на окончании людских историй.

— На подведении баланса, — с умным видом поправил меня он, но с моей стороны реакции не последовало. Жнец лениво следил за тем, как телега въезжает во двор. Это была, кстати, моя телега. И доски мои. Да и слуги, и, черт возьми, дом! Странное ощущение, смотреть на все это изнутри и не иметь возможности вмешаться даже в то, куда поставят табуреты для гроба.

— Итак, — произнес мой единственный в нынешних обстоятельствах слушатель, — вы уже третий день как перешли порог жизни и смерти. Как ощущения?

— Лучше не придумаешь, — выдохнул я. — Не ем, не сплю, не плачу по счетам. В сущности, если бы не перспектива вечного небытия или не менее вечных мучений, я бы даже рассматривал смерть как выгодную сделку.

— Это потому что вы еще не пробовали вечные мучения, — мне показалось, Жнец произнес это с некими нотками восхищения. — Сравнить рановато.

Похороны были на удивление многолюдными. Лион всегда требует хлеба и зрелищ, а хоронить последнего наследника Рейвенкрофтов, это вам не фиги воробьям крутить. Я наблюдал за процессией со ступеней, опершись на каменный поручень, сквозь который преспокойно проходили мои локти. Гроб, черные кареты, дамы в вуалях, господа в траурных сюртуках... На лицах каждого отпечатана скорбь ровно в тех пропорциях, в каких требует светский этикет: не слишком много, чтобы не испортить макияж или прическу, и не слишком мало, чтобы не попасть в завтрашнюю сплетню.

Не обошлось без маркиза де Валкура. Его невозможно было пропустить: высокий, ослепительно улыбчивый, на лацкан нацеплена черная лента, на пальце вульгарно блестит перстень с гербом. Рядом с ним плелась группа лощенных молодчиков помельче, вроде позолоченных шин на дешевой повозке. Я сжал бы кулаки, если бы они у меня были. Валкур когда-то восторгался каждым нашим автоматом как «чудом века», а затем с той же легкостью перепродавал их в Париж, выбивая скидки, как моллюски выбивают зубы у неопытных гурманов.

— Этот паршивец уж точно не выглядит убитым горем, — заметил я, наблюдая, как маркиз чинно кивает толпе.

— А вы хотя бы раз видели его в таком состоянии? — откликнулся рядом Мортье. Теперь он стоял чуть позади, облокотившись на колонну. Надо же, еще и приодеться успел. Привратничьей ливреи на мужчине уже не было, только темный, не в меру официозный, фрак. Для живых он оставался невидим, хотя, судя по его же словам, явиться перед взором людей в физической форме он мог в любой необходимый момент. — Поглядите, а вон там ваш банкир.

Я перевел взгляд в сторону. Разумеется, Франсуа Делорм был здесь. Неброский серый костюм, скромная черная тряпочка вместо приличной повязки, желтушное лицо, как у мертвеца, которого забыли правильно загримировать. Но на похоронах он выглядел естественнее всех, и это угнетало.

— Он, между прочим, искренне огорчен, — сказал Жнец, чем своевременно остановил поток нелицеприятных мыслей в моей голове.

— Потерей клиента?

— Потерей актива. Делорм как раз подсчитывает, сколько удастся выжать из распродажи вашего имущества. В прямом и переносном смысле.

— Утешили, — выдавив из себя мученическую улыбку, ответил я. — С другой стороны, я хотя бы могу не пожимать ему руку, как все эти люди. Какое счастье.

Пока священник вещал над гробом заученные фразы, мысли у меня работали гораздо активнее, чем за последние месяцы при жизни. Возможно, отсутствие крови в голове способствует ясности. Три дня наблюдений за живыми дали мне отчетливое понимание: мой завод был как утопающий, за которого никто не собирался по-настоящему бороться. Все хотели успеть откусить кусочек перед тем, как он окончательно пойдет ко дну.

Поверенный семьи, почтенный мсье Гиро, тихо шептался с Делормом. Я делал максимально отстраненный и незаинтересованный вид, но часть фраз все равно долетала до меня.

— *«Разумеется, в счет долгов поместье может перейти...»*

— *«Завод продадим по частям, цеха отдельно...»*

— *«Коллекция автоматов на чердаке тоже кое-чего стоит...»*

Слуги обсуждали, кто к кому перейдет в услужение, когда «воронье поместье», как все в городе называли Шато Рейвенкрофт, продадут с молотка. Город уже успел решить, что линия Рейвенкрофтов прервалась окончательно. Увы, я был категорически не согласен с их планами.

— И все-таки, — сказал я вечером того же дня, «сидя» на подоконнике своего кабинета, — вы могли бы дать мне хотя бы какую-то рабочую инструкцию. В ваши обязанности входит только ехидство, или вы иногда проявляете милосердие к своим клиентам?

Над Лионом тем временем сгустились сумерки. Внизу зажигались фонари, тянулись по мостовой длинные полосы огня. На склоне виднелись трубы моего завода — мертвые, без дыма. Город выглядел, как огромный механизм, которому забыли завести пружину.

— Вы клиент весьма сложный, — наконец отозвался Мортье из обитого красным бархатом кресла. Это кресло я при жизни категорически бы не одобрил: слишком удобное, располагающее к прокрастинации и безделью. Теперь же оно стало естественной средой обитания Жнеца. — Но я попробую. Что вы хотите знать?

— Ну... все? — как само собой разумеющееся, ответил я. — В порядке приоритетов: что я могу, чего не могу, как именно мне искать объект договора и... как сделать так, чтобы Делорм захлебнулся собственными векселями до того, как распродаст мой завод по кирпичику!

Жнец сцепил пальцы на груди, посмотрел на меня, как на способного, но ленивого ученика.

— Начнем с азов. Пока вы не заключили договор, вы не более, чем призрак. Невидим для всех, кроме особо чувствительных натур и, — он покосился в сторону окна, где над кронами деревьев отдаленными черными точками кружили вороны, — некоторых других сущностей. Неосязаем, не можете покидать территорию поместья дальше, чем на пару десятков шагов. Влиять на физический мир можете лишь минимально. Легкий ветерок, дуновение, холодок, случайно упавшая бумага. Никаких полыхающих штормов и летающих шкафов, увы.

Я мрачно вспомнил, как пару часов назад яростно пытался слудть чернильницу со стола мсье Гиро, когда тот подписывал с Делормом какие-то бумаги. Результат: чернильница лишь чуть качнулась. Делорм пожал плечами, поправил ее и продолжил обсуждать мое посмертное имущество. Если бы у таких существ, как я, были какие-то категории оценки силы, то я был бы сквозняком низшего разряда.

— Просто шик, — понимая, к чему была отсылка, сказал я. — То есть даже привидение из детской сказки способно производить больше впечатления, чем я.

— После договора вы получите куда более широкий спектр возможностей. Но для этого нужен человек, готовый подписать контракт.

— И как, по-вашему, я должен его искать, если я ограничен двумя десятками шагов отсюда? — думаю, мой вопрос был вполне логичен. — Ждать, пока кто-нибудь случайно забредет в дом и скажет: «Здравствуйте, я обладатель чистой души и желаю отдать ее демону в обмен на...» На что, кстати?

— На все, что вы можете ему предложить, — разводя руками, ответил Мортье. — В этом прелесть и опасность контрактов. Люди редко читают мелкий шрифт, когда им обещают невозможное.

— А я могу обещать невозможное?

— В разумных пределах. — усмехнулся такой наглости Жнец. — Но давайте по порядку. Вы спрашивали, как искать. Тут ваше положение даже выгоднее, чем вам кажется. Сам дом и его репутация уже работают на вас.

— Репутация отчаявшегося самоубийцы и разорившегося завода? — вскинув бровь, уточнил я. — Ах, ну да, только поглядите, очередь к воротам выстроилась уже до самого Парижа.

— Не недооценивайте человеческое любопытство и жадность, — парировал мужчина. — Одни придут, чтобы выкупить вещи по дешевке. Другие, чтобы предложить свои услуги по управлению имением. Кто-то заявится, чтобы возродить завод на своих условиях. А кто-то придет просто потому, что ему некуда больше идти. Вот там и стоит смотреть внимательнее.

Жнец откинулся в кресле.

— Чтобы облегчить вам задачу, я, так и быть, обустроился на новой должности. В ближайшее время я официально вступаю в обязанности привратника Шато Рейвенкрофт. Местный люд уже привык к мысли, что у домов покрупнее появляются свои сторожа.

— Жнец Смерти — мой привратник, — иронично усмехнувшись, сказал я. — Если бы я был склонен к театральности, я бы сказал, что это символично.

— А вы и склонны, — заметил Мортье. — Просто хорошо это скрываете под слоем иронии. В любом случае, как привратник я буду видеть и живых, и вас. И, что важнее, смогу оценивать тех, кто переступает порог. По необходимости буду делиться с вами наблюдениями.

— То есть будете моим, — я несколько секунд подбирал более подходящее слово, — кадровиком?

— Скорее, отделом по оценке рисков, — поправил меня Жнец. — Который вы, кстати, никогда не удосужились завести при жизни. Возможно, стоило как раз начать с этого, а не с пояса безопасности в экспериментальном цехе.

Я поморщился от этих не самых приятных упоминаний.

— Мсье Мортье, вы всегда так язвительны, или это особый режим для самоубийц?

— Только для тех, кто по доброй воле соглашается стать демоном. Впрочем, вы скоро привыкнете.

Скептически смерив его взглядом, я снова посмотрел в окно. За этой туманной дымкой и тусклым светом фонарей, завод Рейвенкрофт выглядел особо таинственно и загадочно. Хотя по сути сейчас это был практически испутивший дух, как и его владелец, огромный спящий зверь из камня, стекла и железа. Подобно Церберу охраняющий те тайны, которые вряд ли уже когда-то открылись бы обычному человеку.

— Если я заключу договор... — неуверенно начал я, переводя взгляд на заинтересованного, или лишь делающего соответствующий вид, слушателя. — Смогу ли докопаться до правды? Узнать, почему смерть моих родителей даже толком расследовать не стали, побоявшись сунуть нос глубже, чем в отчеты пожарной команды?

— Сможете, — незамедлительно ответил Жнец. — Для этого вам и дается своеобразный, но все-таки второй шанс. Вопрос лишь в том, что вы будете с этой правдой делать.

Некоторое время помолчав, я продолжил.

— И все-таки, как вы определяете, какая душа «чистая», а какая нет?

Мортье едва заметно улыбнулся.

— О, это мой профессиональный секрет. Но, если вам угодно иметь приблизительное представление... — он легко щелкнул пальцами, в комнате тотчас стало темнее, хотя свечи даже не дрогнули. В воздухе, между нами, всплыло что-то вроде стеклянной чаши весов. Но вместо чаш были две шестеренки, насаженные на общую ось. Одна сияла мягким золотистым светом, другая была матовая, черная, как сажа. Они вращались навстречу друг другу, с каждого их зубца сыпались крохотные искры. — Каждое действие, каждая мысль, каждое подлое или доброе решение добавляет зубцы на одну из шестеренок. Когда механизм перекошен слишком сильно в чью-то сторону, мне, скажем так, становится легко ставить подпись под приговором. Чистота души — это не отсутствие грехов, они есть абсолютно у каждого человека. Это баланс, в котором света пока больше, и в котором еще есть шанс повернуть механизм в нужную сторону.

Шестеренки начали медленно растворяться.

— Ваша душа, к слову, — добавил Жнец как бы невзначай, — была весьма любопытным случаем до того, как вы прострелили себе голову.

— Надеюсь, после этого она стала хотя бы неординарным случаем, — проследив взглядом за исчезающей иллюзией, буркнул я. — Еще вопрос. Сколько у меня времени на все это? Есть ли какие-то сроки давности и проценты за просрочку?

Мортье посмотрел куда-то в сторону. Я, со всем своим любопытством, проследил за его взглядом, но ничего интересного не обнаружил. Выдержав продолжительную паузу, мужчина заговорил:

— Время, пока вы пребываете в таком состоянии, для вас не течет так, как для живых людей, Колдри. Вы можете ждать год, два, десять, но мир за воротами не будет стоять на месте. Завод продадут, поместье разберут по камню, город поменяется. У вас нет ограничений в днях, но есть смысловые границы: чем позже вы начнете действовать, тем меньше будет, что спасти и за что мстить. Как только же договор будет подписан вашей жертвой, срок пребывания в физическом мире резко сократится, его длина, как я уже говорил, будет зависеть от чистоты души выбранного человека.

— Мотивация просто пушка, — вздохнул я. — Ну, что ж. Буду с нетерпением ждать ваших кандидатов, что мне еще остается.

— Наших, — с мягкой улыбкой ответил Жнец, после чего еще и позволил себе саркастично заметить: — Это ваш дом тоже, Колдри, или вы уже забыли?

Я уже хотел ответить что-то не менее язвительное, но в этот момент где-то в глубине поместья раздался дребезжащий перезвон — старый дверной колокольчик на цепочке, который я собирался заменить на цивилизованный электрический звонок, как только мы закончим очередной цикл модернизации. Но, как понимаете, его мы так и не закончили. Звук был такой слаженный и неожиданный, что я даже дернулся. Жнец же выглядел так, как будто едва ли не время до этого звонка отсчитывал.

— Кажется, вам повезло, — сказал он, вслушиваясь. — Кто-то заявился без приглашения. Пойдемте посмотрим, что за птица забрела в воронье гнездо.

В холле царил тот самый бардак, который появляется в домах, где недавно хоронили хозяина: часть мебели сдвинута, часть покрыта тканью, часть — слоем пыли, которую никто не торопится вытирать, потому что все еще неясно, кто оплатит уборку. Я скользнул по мраморной лестнице вниз, не касаясь ступеней. Это, пожалуй, было единственное преимущество моего положения: можно было передвигаться, не задумываясь о скрипе плит в холле и откладываемом то и дело ремонте. Возле дверей топтался лакей в поношенном, но все еще приличном сюртуке — Пьер, старший из молодой гвардии моей прислуги. Он нервно теребил цепочку колокольчика.

— Открывай, — сказал я по привычке и тут же вспомнил, что он меня не слышит.

— Откройте, мсье Пьер, — спокойно произнес Мортье, проходя сквозь меня. Я чуть не зашипел от такой наглости! Лакей вздрогнул и обернулся. Увидев нового привратника, Пьер поспешно поклонился. За три дня в доме все уже привыкли к его присутствию. Для меня это выглядело как какая-то особая дрессировка людей сущностью из потустороннего мира.

— Простите, мсье Мортье, мы вроде не ждем гостей, — неуверенно пробормотал Пьер. — Никто уже не должен был...

— А тем интереснее, кто это, — мягко сказал Жнец и повторил: — Откройте, пожалуйста.

Пьер больше не стал противиться и послушно повернул тяжелый ключ в замке. Скрипнули петли (за этот скрип я грозился наброситься на кузнеца еще месяц назад, как только он вернется в Лион, но не успел) и створка медленно распахнулась. На пороге стояла юная девушка. Не дама в траурной шляпке, не одноногий крестьянин с мешком картошки и просьбой «хозяйских подачек», и уж тем более не кто-то из коллекторской службы. Самая обычная девушка в сером, тщательно штопанном платье, слишком простом для этого холла, но и слишком аккуратном для деревенской сироты. На плечах уютно устроилась потертая шаль, в руках она держала небольшой дорожный узелок. Волосы рыжие, заплетены в косу, выбившиеся пряди упрямо обрамляли веснушчатое лицо. К слову, на лице я не увидел ни усталости, ни голода, ни любопытства, ни того тупого суеверного страха, с которым бедняки смотрят на дома, о которых рассказывают страшные сказки. В глазах ее были лишь осторожность и уверенность, как у человека, который много раз падал, но все равно встает и идет, потому что иначе будет хуже. Но не это заставило меня застыть. Вокруг девушки было свечение. Нет, это были не какие-то ослепительные нимбы, как на расписных иконах в храмах, скорее, мягкий ореол теплого света, как от лампы за матовым стеклом. На его фоне весь мой холл с его мраморными плитами, портьеры и даже живые слуги казались чуть тусклее. Нет, намного тусклее.

— Вот как... — тихо произнес Мортье. Я почувствовал, как он на мгновение бросил на меня взгляд через плечо. После чего, похоже, резюмировал сам для себя: — Интересно.

— Простите, мсье, — сказала девушка, обращаясь к Пьеру, и делая робкий, но уверенный шаг вперед. — Это фамильное поместье семьи Рейвенкрофт?

— Да, мадемуазель, — поклонился ей Жнец в роли привратника, позволяя Пьеру отойти на второй, а затем и третий план. — Чем мы можем быть любезны?

Девушка поправила узелок на плече и, чуть колеблясь, произнесла:

— Я по объявлению. В городе говорят, будто здесь ищут экономку.

— Экономку, — повторил я вслух, хотя, конечно, никто меня не слышал. — В дом, где нет хозяина. Самое то.

И ведь действительно, за пару недель до своей, скажем так, «трансформации», я просил Пьера развесить в центре Лиона объявления. Помощница была нужна не столько по хозяйству, с этим и остальная прислуга справлялась, сколько в плане ведения финансовой отчетности. Иронично, но если бы эта мадемуазель заявила в мой дом немного пораньше, возможно в моей руке в тот день бы и не возник пистолет, когда я в очередной раз был потоплен бесконечными векселями и не разобранными счетами.

Девушке, тем временем, отвечать никто не спешил. Мортье лишь загадочно улыбался, как он умеет, а Пьер растерянно пожимал плечами, не успевший вовсе ретироваться с поля зрения незваной гостьи. Ему явно было не понять, почему столько людей последнее время стремиться работать в поместье без владельца, если все еще не решен вопрос того, кому оно перейдет и кому по итогу будет принадлежать прислуга. Я более внимательно всмотрелся в девушку, в свечение вокруг нее, прямой и настороженный взгляд, сжатую на аккуратном узелке ладонь... а потом увидел тонкую цепочку на ее шее, на которой что-то блеснуло. Маленький, знакомый силуэт шестеренки с выгравированной буквой «R». Эмблема моего завода! У меня в груди, то есть, в той области, где она когда-то находилась, странно дрогнуло. Кто ты, мадемуазель, и как ты вообще здесь оказалась?

Девушка тем временем, собравшись с духом, сделала еще один шаг вперед.

— Меня зовут Сангрия Лоран, мсье. Я умею вести дом, считать расходы, обращаться с прислугой и... — она запнулась, бросив быстрый взгляд на просторный холл, — не задавать слишком много вопросов, если от меня того требуют.

Я нахмурился. К чему была эта последняя фраза? Девушка в курсе того, насколько проблемный дом решила выбрать местом своей работы? Свечение вокруг Сангрии чуть дрогнуло — едва заметно, как язычок пламени, если на него подуть. Зато Жнец, похоже, был весьма вдохновлен услышанным. Или увиденным? Он расправил плечи и улыбнулся девушке доброй, чуть усталой улыбкой провинциального привратника, который слишком много видел и слишком мало получает.

— Что ж, мадемуазель Лоран, — бодро произнес он. — В таком случае, двери этого дома открыты для вас. Думаю, бывший владелец Шато Рейвенкрофт несомненно принял бы вас на работу. А так как мы — временно исполняющие его волю...

«Временно охреневшие от вседозволенности» — хотелось сказать мне, но толку-то спорить безликому существу, уже утратившему все свои былые права при жизни. Пьер беспомощно оглянулся на Мортье:

— Мсье, но разве... — на его лице читался такой табун мыслей, словно тот перелистывал в уме всю историю и пытался найти хотя бы один случай, когда экономка нанималась в дом уже почившего хозяина.

— У вас какие-то вопросы, мсье Пьер? — одарив того дружелюбной (хотя, как мне казалось, до жути пугающей!) улыбкой, прервал размышления Жнец. — Увы, бывший владелец поместья оставил после себя так много бумаг, что их структуризация может занять далеко не один месяц. Мадемуазель Лоран сможет помочь в этом вопросе, а значит, и все мы сможем в скором времени получать зарплату, как только дело будет закрыто и поместье со всей его прислугой уйдет с аукциона к новому хозяину.

Он взглянул на лакея так, что тот поспешно закивал, будто ему только что выдали удвоенное жалованье, а не новую головную боль.

— Да-да, мсье. Вы, безусловно, правы, — пробормотал Пьер.

Я мысленно присвистнул. Как он его, а! Без видимых жестов и театрального гипноза, просто один взгляд, и Пьер уже уверен, что этому дому всегда не хватало именно этой девушки, которую все они видят первый раз в жизни.

— Вы проходите, мадемуазель Лоран, — приглашающе отступил Мортье в сторону. — Позвольте забрать ваш узелок.

— Благодарю, мсье, — она чуть замялась, но все-таки отдала ему поклажу. — Я слышала, что в доме... некоторые перемены, но объявление было свежее.

— Разумеется, свежее, — спокойно ответил Жнец. — Мы следим за актуальностью информации.

Он это сказал таким тоном, что я внезапно очень отчетливо представил Мортье, аккуратно прикалывающим к городской доске объявлений листок: «Требуется экономка в дом, где хозяин только что пустил себе пулю в лоб от переизбытка финансовых проблем. Оплата и перспективы обсуждаемы». Сангрия повернулась, рассматривая холл. Взгляд ее скользнул по портретам на стенах, тяжелому канделябру, медной статуэтке автомата на тумбе у лестницы — одному из ранних опытов отца. Это был маленький вежливый лакей, который когда-то сам снимал у гостей шляпы и вешал трости. Сейчас он стоял такой же мертвый, как и все в этом поместье, уткнувшись стеклянными глазами в пустоту.

Едва Сангрия и Жнец начали подниматься по лестничным ступеням, навстречу им вышел старый дворецкий Огюст. Серый, чуть согбенный, с тем выражением человека, которому все происходящее глубоко не нравится, но спорить он будет только по уставу.

— Мсье Мортье, мне доложили, что у нас гостья... — он увидел Сангрию и старческие брови поползли вверх. — Мадемуазель?

— Мадемуазель Лоран, — представил ее привратник. — Экономка, пришла по объявлению.

— По какому еще... — начал Огюст и осекся, потому что Жнец повернул к нему голову.

— Мсье Огюст, — мягко сказал Мортье, — разве вы не слышали указание Франсуа Делорма? До окончательного решения по имению дом должен сохранять внешний порядок. А дом без экономки, как завод без механика.

Он выдержал крошечную паузу.

— Не переживайте, я займусь согласованием найма с мсье Гиро. Бумаги будут.

Огюст колебался ровно три секунды. Я знал этого человека двадцать семь лет, буквально с момента своего появления на свет. Он терпеливо выдерживал визиты банкиров, разнос капитана пожарной дружины и даже тот злополучный бал, на котором один из механических музыкантов оторвал себе руку и швырнул в голову графине, по своему восприняв заложенную программу «предлагать руку даме». Но сейчас он просто кивнул. Просто кивнул! Чудесно, Жнецы умеют ссылаться даже на юристов. Величайшая сила мира и самый страшный кошмар кредиторов нашли общий язык.

— Пройдемте, мадемуазель, — Огюст уже более привычным тоном обратился к Сангрии. — Покажем вам дом и комнаты.

Мы поднялись по широкой лестнице. В коридорах пахло пылью, воском и тем застоявшимся запахом, который появляется в домах, где слишком долго разговаривали шепотом.

— Дом большой, — комментировал Огюст, чуть ворча. — Работы много. Но сейчас, сами понимаете, половина покоев закрыта. Покойный мсье Колдри жил в западном крыле. Ваша комната будет в восточном, ближе к кухне и кладовым.

Я бросил взгляд на старика. Интересно, мне показалось, или в момент, когда он упоминал обо мне, на этом лице промелькнуло что-то вроде искренней скорби?

— Это удобно, — спокойно ответила Сангрия. Девушка смотрела по сторонам внимательным взглядом человека, который оценивает не богатство, а объем работы. — Я привыкла к большому хозяйству.

— Раньше служили в городе? — спросил Огюст, как и положено приличному дворецкому. Без излишнего любопытства, достаточно для составления мнения.

— Немного, мсье, — кивнула она. — Несколько лет была помощницей экономки в доме одной госпожи. А потом... обстановка изменилась.

По тому, как Сангрия это произнесла, было ясно: «обстановка изменилась» — это эвфемизм для целой грозы неприятностей. Словно кто-то аккуратно вырезал кусок ее жизни ножницами, оставив лишь аккуратный шов. Мне ли о таком не знать.

— Родители? — уточнил Огюст. Девушка снова кивнула, на этот раз, опуская глаза в пол.

— Мать болеет, — коротко сказала она. — Отец... умер.

Сангрия говорила просто, без мелодраматических вздохов и дрожи. Я незаметно покопился на Мортье: он шел чуть позади, бесшумный, как тень, и вслушивался в каждое слово с профессиональным интересом. Ореол вокруг девушки тем временем мерцал — где-то ярче, где-то тусклее, в такт ее голосу.

— Сочувствую, — сказал Огюст тем официальным тоном, которым обычно говорят «соболезную». — Здесь вам придется много работать, мадемуазель. Дом старый, господ много бывавших, обычаям следовали не всегда строжайшим образом...

Дворецкий бросил выразительный взгляд на один из коридоров, ведущих к моему бывшему кабинету, где до сих пор не отмыли кровь с паркета. Я невольно фыркнул от осознания этого.

— Я не боюсь работы, мсье, — тихо сказала Сангрия. — Мне нужно место, и тем более, я слышала... здесь жил хороший человек, который давал работу многим людям из провинций.

Вот так вот. Жил хороший человек. Жил, жил, да помер, как говорится. Про меня ли это, наемни открывшего счет на должности демона?

— Надеюсь, дом не держит на него зла, — добавила девушка уже почти неслышно. Я подумал, что это прозвучало не как пустая фраза, скорее как обращение. Не то к Богу, не то к самому дому. И от этого на секунду в коридоре стало тише, даже мои несуществующие волосы на затылке шевельнулись.

— Дома с большой историей нередко бывают злопамятны, мадемуазель, — невозмутимо заметил Мортье нарушая эту таинственную тишину. — Но иногда умеют быть благодарными. *Не так ли, Колдри?*

Я даже встрепенулся от этого внезапного обращения, слишком уж вжился в роль безмолвного свидетеля. Этот Жнец что, совсем с катушек слетел — вот так просто брать, и обращаться ко мне при всех? Но заметив, как ни Сангрия, ни Огюст не придали никакого значения услышанному, я понял. Последняя фраза предназначалась непосредственно мне, живые ее не слышали. Девушка лишь оглянулась, провела пальцами по выцветшему гобелену и улыбнулась своим мыслям. А затем все они завернули в комнату, в которой даже я сам был не таким уж частым гостем. Это вообще когда-то была кладовая, а потом мой отец решил переделать ее под жилое помещение. Здесь стояла узкая кровать с железной спинкой, стол, стул, комод, у стены находился умывальник. Окно выходило в сторону парка, и через ветви старых лип в просветах виднелись очертания заводских труб.

— Вот, мадемуазель, — сказал Огюст. — Просторно, сухо, отопление есть, крыша не течет. Условия по нынешним временам приличные.

— Очень даже, — искренне ответила Сангрия, с живым интересом разглядывая комнату. — Благодарю, мсье!

Мортье поставил узелок на стул.

— Мадемуазель, мы чем-то еще можем быть полезны?

— Хотелось бы воды, если можно, — сказала девушка, оценивая взглядом слой пыли на комод. После чего, с вежливой улыбкой, добавила: — И немного одиночества. Дорога была очень долгой.

— Разумеется, — кивнул Огюст. — Я попрошу Пьера принести воду. Утром обсудим ваши обязанности.

Он еще раз церемонно поклонился и вышел, натянуто бросив через плечо:

— Если что-нибудь понадобится, звонок у двери.

Дверь закрылась и комната погрузилась в полумрак. Через пару минут Пьер принес кувшин с водой, неловко шаркая, и удалился, оставив Сангрию одну. Ну, почти одну. Я, немного поразмыслив, вошел в комнату. Вернее, просто прошел сквозь стену — призраки экономят на дверях. Сангрия сняла шаль, аккуратно сложила ее на спинку стула, стянула с плеч простенькое пальто. Потом, немного помедлив, расстегнула на шее цепочку и на ладонь ей лег медальон. Маленькое металлическое колесико — стилизованная шестеренка с выгравированным на поверхности знаком «R». Это не просто общая марка завода, нет, я узнал этот рисунок сразу. Отец придумал его для особой серии наград, которые вручались лишь немногим рабочим и мастерам за выдающиеся идеи или верность делу. Их выдали... дай Бог памяти, не больше десятка за все время.

— Откуда?... — машинально выдохнул я. Словно в ответ на мой вопрос, Сангрия согнула пальцы, сжала медальон в кулаке и тихо, почти шепотом заговорила.

— Тео, я дошла. Вот это место. Шато Рейвенкрофт, тот самый дом, — девушка была словно в каком-то трансе. Не знаю, к кому она обращалась, но ее длинный монолог только начался. — Никто не знает, зачем ты тогда поехал в Лион, и почему не вернулся. Никто, кроме меня, не верит, что это связано с заводом. Мама говорит, что так угодно Богу. Но я не верю, что Бог посылает людей умирать на дорогах просто так!

Что-то я стал не в меру сентиментален к теме смерти, хотя разве я не должен сейчас чувствовать примерно... абсолютное ничего? Но нет, от сказанного Сангрией мне опять стало не по себе, словно жалось напрочь отсутствующее у внетелесной сущности сердце.

— Братец, ты писал, что тебе дали работу, — продолжала девушка. — Что это шанс, что ты, наконец, сможешь помочь нам расплатиться за долги. Что хозяин завода — хороший человек, настоящий мастер, у него большие планы и тут, в Лионе, ты нужен. А потом...

Сангрия стиснула медальон в своих пальчиках сильнее.

— Потом нам сказали, что тебя нашли в кювете. Ограбленного, с разбитой головой. И что это просто несчастье, просто разбойники... Просто случайность!

Как выглядят «просто случайности» в Лионе знал каждый его житель. Особенно, если неподалеку находится чей-нибудь большой, дорогой завод с секретным цехом.

— Мама верит, что ты сейчас в лучшем мире, — еле слышно сказала девушка. — Я хочу в это верить. Но еще я хочу знать, почему все произошло именно так... И если этот «хороший человек», о котором ты писал, если он правда был хорошим, то я хочу знать, кто украл у него все.

Сангрия открыла ладонь, и металл шестеренки мягко блеснул в полумраке.

— Я найду ответы, Тео. Клянусь.

Ореол вокруг девушки вспыхнул чуть ярче. Я стоял у стены и смотрел, не в силах отвести взгляд. Все слишком идеально совпало, чтобы это было просто случаем: медальон моего завода, брат, погибший «случайно» неподалеку от Лиона, долги, о которых она говорит так, будто знает их вкус... И тяга к правде, как у бульдога к штанине.

— Мсье Мортье, — обратился я в пустоту, — если это не ваша работа, то я настоятельно попрошу показать мне, кто у вас там на верхнем уровне занимается сценариями.

— Не хочется вас разочаровывать, Колдри, — раздался за моей спиной спокойный голос. — Но люди обожают сами загонять себя в сюжеты.

Я обернулся. Жнец стоял в углу комнаты, опершись плечом о шкаф. Для Сангрии он снова был пустым местом, кусочком тьмы. Она медленно набрала в кувшин воду в умывальнике и абсолютно не ощущала на себе двух взглядов сразу.

— Ее брат, — тихо сказал я. — Работал на моем заводе.

— Не просто «работал», — поправил Мортье. — Судя по медальону, был отмечен. Был талантлив, предан и полезен. Такие редко погибают совершенно случайно на дорогах после визита в большой город.

— Вы же все знали, — я криво усмехнулся. — Сидите тут, как паук в центре паутины, ей-Богу.

— Я знал лишь то, что вы умудрились за несколько лет накопить вокруг себя столько нитей, что такой паутиной можно было бы завесить половину Лиона, — невозмутимо ответил Жнец. — Смерть ваших родителей, странный интерес к заводу со стороны не самых приятных людей, гибель нескольких рабочих. Ваше самоубийство. С его весьма... специфическим резонансом. Когда подобные вещи совпадают, сама судьба начинает подкидывать в уравнение людей вроде мадемуазель Лоран.

Сангрия тем временем поставила кувшин на стол, опустилась на край кровати и вдруг устало закрыла лицо руками. Секунду посидела так, потом выпрямилась, стянула ботинки, аккуратно поставила их у стены и, даже не раздевшись до конца, легла поверх покрывала, подложив руки под щеку. Я внимательно следил за ней, пытаюсь уловить хоть малейший признак чего-нибудь. Страха, скрытой жестокости, безумия. Но она просто вымоталась и позволила сейчас быть не той твердой девушкой, которая на пороге дома говорит: «Я умею считать расходы!»

— Эта девчонка, — я не сразу нашел слово, которое не звучало бы пафосно, — слишком живая для моего дома.

— Разве вы это не цените, Колдри? — справедливо заметил Жнец. — Вас раздражают недоработанные механизмы, остановившиеся часы и долги, превращенные в пыль. А эта девочка, она как новый маятник. Вопрос лишь в том... вы хотите, чтобы этот механизм завел вас или вы его?

Я поморщился.

— Прекратите говорить загадками, это раздражает. Лучше скажите прямо, мсье Мортье, вы думаете, что она подходит в качестве объекта контракта?

— Как специалист по оценке рисков, — степенно ответил мужчина, — я считаю, что ее душа даст вам много времени. Как не самый же примерный знаток человеческих душ, полагаю, обмануть это ангельское создание будет для вас серьезным испытанием.

— Я никого не собираюсь... — начал я, но Мортье поднял руку, прерывая меня.

— Разумеется, пока нет. Сейчас вы благородны, обижены миром и полны высоких порывов восстановить справедливость. Но когда поймете, что цена за каждое ее решение — буквы в вашем собственном приговоре... тогда и посмотрим.

— Мне нужен союзник с головой на плечах, — жестко ответил я. — Сангрия уже ищет ответы, которые я тоже хочу найти. Ее брат мертв, мои родители мертвы, если эти истории связаны, мы можем тянуть за одну и ту же нить.

— Вот и чудно, — кивнул Жнец. — Союзники — это почти то же самое, что жертвы обстоятельств, только с лучшей репутацией.

Я хотел возразить, но в этот момент Сангрия шевельнулась. Она перевернулась на бок, и свет из окна чуть коснулся ее лица. Совсем юная, если уж говорить честно, лет семнадцать от силы. На ее лбу была маленькая морщинка упрямства. Губы сжаты, будто даже во сне она не дает себе расслабиться до конца.

— Вы можете не торопиться, — неожиданно мягко сказал Мортье. — Контракт не та вещь, которую подписывают в первый же день. Понаблюдайте. Поговорите с ней... когда най-

дете способ это делать. Узнайте, чего она на самом деле хочет. Люди куда охотнее отдают души далеко не за деньги и не за месть.

— А за что? — хмуро спросил я.

— За надежду. И за возможность повернуть время вспять, пусть даже на пару мгновений.

Мы оба замолчали, и в комнате стало тихо. Сангрия ровно дышала во сне, сжав в пальцах печочку. Я смотрел на металлическую шестерню с буквой «R», и в моем разуме (если уж ни головы, ни сердца у меня сейчас толком и нет) созрел четкий план. Если судьба подбросила мне в дом девушку, чья жизнь связана с моим заводом и чье сердце пылает жадой ответов, глупо было бы не воспользоваться этим. Но еще глупее было бы слепо тащить ее в пропасть, в которую я уже когда-то шагнул сам.

— Хорошо, — сказал я наконец. — Присмотрюсь к ней. И, если мне удастся, мы заключим контракт на моих условиях. Таких, чтобы мы оба оставались в выигрыше.

— Учитывая, что вы в итоге исчезнете, — вежливо напомнил Жнец, — это амбициозное заявление.

— Зато честное. В отличие от всех моих сделок с Делормом.

Мортье чуть склонил голову.

— Что ж, это занятно. Мне будет интересно наблюдать за вами обоими. А теперь, если вы не возражаете, мсье Колдри, я займу свой пост у ворот. Утро принесет новых посетителей...

Он взглянул на сладко посапывающую Сангрию.

— И новые испытания для ваших благородных намерений.

Жнец исчез почти буднично, просто шагнул в тень, и та его поглотила. Я подошел ближе к спящей девушке, насколько позволялось моей эфемерной сущностью, и на миг позволил себе роскошь, о которой давно позабыли все мои кредиторы. Пообещать. Я обещаю, что найду того, кто сделал это с твоим братом, Сангрия. А также с моими родителями, с моим заводом. И если для этого мне придется заключить с тобой сделку, я сделаю все, чтобы она не стала для тебя приговором.

Где-то в глубине дома, далеко внизу, тихо щелкнули старые часовые механизмы. Как будто кто-то, невидимый и осторожный, начал снова заводить пружину. И мне показалось, что мое поместье, мое мрачное и терпеливое чудовище, впервые за долгое время сделало вдох.

Глава вторая

В которой экономка наводит в поместье порядок, а свежееиспеченный покойник — панику

Я очнулся от звуков уборки по дому. Это было даже как-то обидно. Когда у тебя больше нет тела, ни одного уважающего себя внутреннего органа, ни потребности спать, сам факт вынужденного «пробуждения» кажется личным оскорблением. Но скрип щетки по каменному полу был столь настойчив, что даже загробное сознание решило: ну, что ж, пора. Лениво слетев вниз по лестнице, я увидел странную картину: мой величественный парадный холл, тот самый, где еще недавно толпились люди в черном, плакали, шептались и украдкой заглядывали в зеркала, сейчас напоминал поле боя между грязью и фанатиком чистоты.

Фанатика звали Сангрия Лоран. В одной руке у нее была метла, в другой тряпка, на талии болтался импровизированный фартук из старой простыни, а на лице царило выражение человека, который обнаружил на складе объявление «все по цене совести» и пришел с точными мерками этой самой совести.

— Мэм, — «озвучил» я мысли слоя пыли, к которому сейчас отчаянно прокладывала себе дорогу девушка, — нас тут годами выращивали, холили, лелеяли...

— Прекрасно, — бормотала себе под нос Сангрия, отодвигая тяжелую консоль. — Кто-то хоть раз додумался вытереть тут под... а нет, никто не додумался.

С этими словами она поддела щеткой особенно наглый ком пыли.

— У нас у всех бывают слепые зоны, мадемуазель, — не удержавшись, хохотнул я. — У кого-то в характере, у кого-то под мебелью.

Разумеется, меня никто не услышал. Я уже начинал привыкать к этой мелкой, но постоянной досаде. Дотошный комментатор, навечно запертый в режиссерской будке собственного дома. Впрочем, не могу не признать, что наблюдать за Сангрией было приятно. Не в том смысле, о котором наверняка подумал бы маркиз де Валкур, а в плане профессиональной эстетики и продуктивности. Девушка работала быстро, системно, без суеты. Сначала привела в порядок главный холл, потом взялась за лестничные пролеты. Сангрия выстраивала в голове карту поместья так же четко, как я когда-то составлял схемы заводских цехов. Огюст поначалу пытался было ворчать про «порядки дома» и «традиции», но быстро сдулся. Когда человек за час находит в кладовой три мешка просроченной муки, два незакрытых бочонка с вином и целую полку позабытой посуды, сопротивляться ему бессмысленно.

— И откуда у нее это все? — с подозрением спросил я у Мортье, когда мы вместе наблюдали, как Сангрия штурмом берет буфет.

— Что именно? — притворился непонимающим Жнец.

— Это непоколебимое стремление к порядку, — кивнул я в сторону, где девушка сортировала скатерти по степени изношенности и цвету вышивки. — Это же просто чудовище. Ну, в хорошем смысле.

— Это зов выживания, — мягко ответил мужчина. — Люди, у которых рушится вся жизнь, часто хватаются за то, что могут контролировать. Порядок в тарелках, расписание стирки, расположение скатертей. Это дает иллюзию, что не все еще потеряно.

— Угу, — буркнул я, складывая мнимые руки на не менее мнимой груди. — То есть я застрелился, потому что не мог контролировать долги, а она полирует мрамор до стеклянного блеска, потому что тешит себя иллюзиями контроля?

— Видите, как все просто, Колдри, — по этой скалящейся улыбке я уже понимал, что ничего хорошего в следующем высказывании Жнеца ожидать не стоит. — Оказывается, вместо пистолета можно было всего лишь взять в руки метлу.

Боже, дай мне сил. Хотя насколько вообще резонно демону, еще и не до конца сформировавшемуся, просить помощи откуда-то свыше?

К полудню Сангрия уже успела вымыть полы в холле, на лестнице и в коридоре до кухни, пересчитать запасы в кладовой, устроив там маленький апокалипсис из списанных продуктов, и выяснить, что половина прислуги выполняет свои обязанности ровно так же, как и спит на своих на матрасах. Кое-как. Пьер вовсе язык проглотил, когда экономка, заглянув на кухню, холодно осведомилась, по какому принципу у них составляется меню.

— По принципу «что нашли, то и сварили», мсье Пьер? — вежливо уточнила она. — Судя по тому, как вы храните запасы, через месяц у вас нечего будет варить вообще.

Пьер стушевался и, к моему удовлетворению, впервые за долгое время отложил кружку вина в сторону.

— Удивительные вещи творятся, — заметил я. — Три дня моего посмертия и один день ее работы принесли больше порядка, чем полгода моего отчаянного существования.

— Вы пытались тушить пожар золотыми подносами, — пожал плечами Мортье. — А эта мадемуазель хотя бы убирает стружку, чтобы не поскользнуться.

— Вы сейчас больше на мою мать похожи, чем на воплощение смерти.

— Справедливости ради, леди Рейвенкрофт была умной женщиной, — спокойно ответил Жнец. — Могла бы преспокойно занять и мою должность.

Я ухмыльнулся. С этим трудно было поспорить.

После обеда в поместье явился почтальон. Стук в дверь, глухое «Почта!», мышинный писк Пьера, стук каблуков по мрамору, и через минуту в руках Огюста оказался плотный конверт с печатью.

— Интересно, от кого? — вслух задался я вопросом, хотя и так видел характерный герб на сургуче.

— Анри Гиро, — монотонно прочитал имя адресанта дворецкий, ломая печать. Ну, разумеется. Мой поверенный. Человек, который всегда говорил «по закону» таким тоном, будто закон был его родным и избалованным ребенком. Огюст пробежал глазами строки, лицо его стало еще более каменным. Он откашлялся. — Мсье Мортье, это касается состояния дел в поместье.

— Как удачно, — отозвался Жнец, тут же возникая рядом и принимая письмо из рук дворецкого. — Быть может, ситуация с поместьем наконец сдвинется с мертвой точки.

Огюст лишь тяжело вздохнул, в этом вздохе читалась вся усталость от нынешней обстановки дел. Когда он, что-то бормоча себе под нос, покинул холл, я заглянул Мортье через плечо, вглядываясь в знакомый, размашистый почерк. Еще одно преимущество призрачного положения: текст можно читать с любой стороны.

«Уважаемый мсье Огюст!

В связи с кончиной мсье Колдри Рейвенкрофта и сложным состоянием его финансовых дел, уведомляю вас о следующем:

1. Через семь дней состоится собрание кредиторов в конторе мсье Делорма. Присутствие законного представителя поместья Рейвенкрофт желательно, дабы обсудить дальнейшую судьбу имения и завода.

2. В случае отсутствия достаточных средств для погашения долгов, имущество будет описано и подготовлено к продаже с аукциона.

3. До обозначенного собрания прошу вас обеспечить сохранность имущества и не предпринимать действий, способных ухудшить положение наследства (ремонт, увольнение или наем новой прислуги и пр.) без согласования со мной.

С глубочайшим уважением,

Анри Гиро, поверенный семьи Рейвенкрофт».

— Не предпринимать действий, способных ухудшить положение наследства, — медленно зачитал я. — То есть мы уже формально нарушили указание, наняв экономку. Да и вас, мсье Мортье.

— Формально, — вежливо подтвердил Жнец. — Но я ведь уже сказал Огюсту, что все будет согласовано.

— Представляю, как мсье Гиро будет зол, — скривив рот, заметил я. — Зато Делорм будет скакать до потолка от восторга.

Мортье хмыкнул, после чего задумчиво постучал пальцем по краю письма.

— Семь дней. Неплохой срок, чтобы сподвигнуть кое-кого действовать более решительно.

— Семь дней до чего? — неуверенно хлопая глазами, спросил я. — До того, как дом выставят на торги?

— До того, как решения станут значительно сложнее, — уклончиво, как и всегда, ответил Жнец. — Но если вам нужен человеческий эквивалент: да, семь дней до того, как Франсуа Делорм получит свое законное право перетряхнуть каждый ящик в этом доме.

— Ага, сейчас. Этого я допустить никак не намерен, зачем я тогда возвращался! — едва ли не прошипел я злобно, только представив во всех красках эту картину. — Есть вещи, которые я не дам вытащить на свет валкуровским шавкам.

— Чтобы не дать им добыть нечто ценное, не стоит ли прежде самому разобраться, где оно спрятано? — резонно заметил Мортье. — И кто еще, кроме вас, об этом знает.

Я перевел взгляд в сторону бельевой, откуда вышла Сангрия, неся целую охапку простыней. Жнец прав, времени на принятие решений у меня остается все меньше. И ведь даже далеко ходить не нужно, вот он, твой штамп на договоре, сам прилетевший в твоё гнездо, который развяжет наконец руки и позволит действовать. Откуда тогда вообще взялась вся эта паника и нерешительность, абсолютно неуместная в моем нынешнем состоянии?

Вечером того же дня, когда я в очередной раз прокрастинировал у окна своего кабинета, послышался стук в дверь. Я чуть не рассмеялся, когда на автомате произнес «войдите». Привычки такие привычки. На двери кабинета нынче висел черный траурный креп, замок был повернут, а ключ хранился у Огюста. И кому только в голову пришло стучаться сюда? Ах, ну да...

— Мсье Огюст? — послышался за дверью осторожный девичий голос. — Разрешите?

Я подлетел к столу, где всего четыре дня назад оставил половину своего мозга. Не лучшую, судя по исходу.

— Мадемуазель, — голос Огюста звучал суше, чем обычно. — Это рабочий кабинет покойного хозяина. Мы... пока не входим сюда без необходимости.

— Я прошу прощения, мсье, — вежливо обратилась Сангрия, — но такие места являются сердцем дома. Сейфы, документы, книги расходов... если я должна привести все в порядок, мне нужно понимать, откуда все начиналось.

Ну и причина, подумал я. Хозяйственная, прозаичная, но удивительно точная. Пожелав понаблюдать за разворачивающейся картиной, я любопытно просунул голову сквозь стену. Нарушать законы физики стало уже обыденным делом — новые привычки все же появляются быстрее, чем забываются старые.

— Я не уверен, что... — попытался найти какую-нибудь еще причину для отказа двоюродный, но девушка его беспардонно перебила.

— Мсье, если сюда ворвутся люди, которые уже минуты считают до передачи поместья на аукцион, им не будет дела до ваших чувств. Они будут искать ценные бумаги. Разве не лучше, если сначала их увидит тот, кто заинтересован в том, чтобы их сохранить? Хотя бы в порядке.

Я почти услышал, как скрипят шестеренки в голове Огюста. Наконец, он кивнул. Тяжело и неуверенно, но, пресвятые угодники, моего дворецкого довели до того, что он беспреко-

словно кивает уже второй день подряд! Старик бросил быстрый взгляд в потолок, будто искал где-то там мое одобрение, а я неожиданно почувствовал странную... благодарность.

— Покойный мсье Колдри был сложным человеком, — выдавил он. — Но он не заслужил того, чтобы в его бумагах рылся каждый. Я открою вам дверь, мадемуазель, но, пожалуйста, отнеситесь с уважением. Это все, что у него осталось.

— Я понимаю, мсье, — поклонившись головой, согласилась Сангрия. А я даже не знал, как толком на это все реагировать. Все-таки, жизнь после смерти меня удивляет больше, чем, извиняюсь за каламбур, жизнь при жизни. Я умер как растерянный должник, а теперь в мой кабинет входят под аккомпанемент слов об «уважении».

Огюст вставил ключ в замок, провернул пару раз, и дверь нехотя поддалась. Запах ударил в лицо гостям моего кабинета сразу: заржавевшие чернила, старая бумага, табак, который я так любил и которым меня регулярно попрекали. Все это было частью меня такое долгое время, что все еще кажется родным.

— Я подожду снаружи, — сухо отрезал Огюст. — Если что, позвоните.

Дворецкий отступил, оставляя Сангрию и меня один на один в моей маленькой трагедии. Девушка вошла в комнату осторожно, словно в церковь, не доставало только перекреститься перед входом. Я снова занял свое любимое место у окна, глядя на то, что еще недавно называл своим рабочим местом. Стол, кресло, чернильница, аккуратно сдвинутая Пьером. Сухое пятно на лакированной поверхности, в котором угадывались потеки, когда-то алые, теперь бурые. В стене напротив — крошечная черная точка, входная дыра от пули. Очень скромное и ненавязчивое напоминание о том, что можно разрушить целую жизнь одним вздернутым курком.

Сангрия замерла на пороге, пальцы ее слегка сжались на подоле платья. Я не был уверен, что девушка вообще знает подробности моей смерти. Но, судя по тому, как ее взгляд невольно скользнул от пятна крови к пистолету, аккуратно переложенному на край стола, знала достаточно.

— Добро пожаловать, мадемуазель, — произнес я, с грустной улыбкой опуская глаза на пол. — Прошу, не наступайте на мои посмертные комплексы.

Экономка сделала несколько шагов внутрь. Взгляд ее задержался на разбросанных бумагах, на открытом, но пустом сейфе у стены, на кучке писем, сбившихся в однообразную стопку. Я понял, что это письма от Делорма еще на расстоянии. Даже мертвец узнает его мерзкий, ровный и аккуратный почерк, как у эталонного психопата. Сангрия подошла ближе, вытянула одну бумажку наугад. Пробежала глазами пару строк, и губы ее сжались. Я не видел текста, но мог догадаться: очередное «настоятельное требование погасить задолженность», «уведомление о просрочке», «последнее предупреждение». Девушка аккуратно положила письмо обратно. Не в стопку угрюмых долгов, а чуть в сторону. Как будто даже среди этой горы одноликой безысходности ей хотелось навести порядок.

— Простите за весь этот бардак, — буркнул я, вжимая голову в плечи. — Я был тогда немного... занят.

Но какой толк от моей болтовни, если Сангрия ничего из этого не услышит. В этот же момент меня охватила какая-то обида — до жути захотелось дать хотя бы малейший намек о своем присутствии. Что ж, проверю пределы своих возможностей. Как там говорил Мортье, «легкий сквозняк, небольшое дуновение ветра»? Я сосредоточился на одном листе, том, что лежал верхним в куче, и который я до этого уже заметил краем глаза. Узкий, в линейку, с пометкой «Наемные рабочие. Список». Я знал этот бланк, на таких я вычеркивал ушедших и галочкой отмечал принятых. Прекрасная административная мелочь, которой я гордился почти так же, как сложными схемами автоматов. Если бы я мог заставить именно этот лист сдвинуться...

Я напрягся изо всех сил. Смешно, конечно, говорить «напрягся» о существе без физического тела и мышц. Скажем так, все мое сознание сосредоточилось в одном желании: пусть

лист сдвинется. Пусть он сдвинется. Хотя бы чуть-чуть, хотя бы на миллиметр. Окно плотно закрыто, никакого сквозняка в кабинете и быть не может. Если эта бумага шевельнется, то это будет... сигналом. И от кого еще, как не от меня!

Но жалкий лист меня напрочь игнорировал. Сангрия между тем прошла мимо стола, дотронулась до спинки кресла, провела пальцами по его краю. Точно так же, как я делал тысячу раз, откидываясь затем назад после очередного бесплодного разговора с кредиторами.

— Интересно, приняли бы вы меня на работу, мсье Рейвенкрофт, — задумчиво произнесла девушка, — если бы я пришла к вам работать... немного раньше.

Она еще спрашивает. Такого ответственного работника днем с огнем не сыщешь! Но в этот момент я не особо принял значения ее словам, так как продолжал гипнотизировать злосчастный листок.

— Двигайся, — процедил я. — Ну же!

Внезапно, где-то внизу толкнуло воздух — это был легкий, почти незаметный порыв. Свеча на камине чуть дрогнула. Один из верхних листов в стопке писем от Делорма колыхнулся, соскользнул и мягко приземлился на пол.

— Не тот! — рявкнул я практически в отчаянии. Ну что за горе-сквозняк! Ничего толком не умеет. Сангрия вздрогнула и осторожно наклонилась, поднимая упавший лист. Взгляд ее скользнул по строкам.

— «Уведомляем вас, мсье Рейвенкрофт, что смерть не является достаточным основанием для списания задолженности...» — прочитала она вслух и вскинула брови. — Что? Вот, значит, какие у вас были разговоры.

О, поверь мне, милая Сангрия, это лишь вершина айсберга. Можно считать, что такие письма между мной и Делормом были элитным флиртом. Не успел я мысленно пожелать кредитору тридцать три несчастья, как действия девушки заставили меня вовсе схватить столбняк. Этаким призрачный столбняк. Сангрия задержалась всего на секунду, после чего скомкала лист и бросила письмо в камин. Сухой и хрупкий звук бумаги, вспыхнувшей от едва тлеющего угля, был самым приятным звуком за последние месяцы моей жизни и первые дни моей смерти.

— Bravo, мэм, — с чувством произнес я. — Вы только что сделали то, на что я не решался полгода.

— Простите, мсье Рейвенкрофт, — тихо сказала Сангрия в пустоту, словно боялась, что стены ее осудят. — Я знаю, это было не по правилам. Но иногда... бумага не заслуживает жизни.

Наши взгляды встретились всего на секунду. Разумеется, она ничего не почувствовала. Хотя мне очень хотелось уверять себя в обратном. В целом, для первого дня наблюдения за потенциальной кандидатурой на договор с демоном, весьма неплохо. Мы уже едины в одном: оба ненавидим письма Делорма.

Пока Сангрия разглядывала остальное содержимое стола, я еще раз попробовал воздействовать на нужную мне стопку бумаг. На этот раз — не одним рывком, а... назовем это «методом многоходовой мелкой пакости». Я представил, как по комнате проходит легкий ветерок: от окна к шкафу, от шкафа к столу, от стола вниз. Где-то на середине пути, к моему удивлению, воздух и правда дрогнул. Листки на краю стола едва вздохнули, как поверхность воды под легким бризом. Верхний лист списка рабочих не сдвинулся. Зато следующий, прижатый к нему, выскользнул вперед и повис наполовину над краем. Еще чуть-чуть — и... лист сорвался и плавно, как ленивый листок с дерева, спланировал прямо к ногам Сангрии. Она опустила взгляд, после чего наклонилась и подняла его.

— «Список наемных рабочих завода Рейвенкрофт. Месяц...» — она машинально пробормотала заголовок. — Два года назад!

Пальцы ее пробежались по строчкам и вдруг замерли.

— Теодор... — прошептала девушка. — Теодор Лоран.

Я так и думал, что он там будет. Сейчас я его смог вспомнить во всех подробностях. Парень с горящими глазами, цепкими руками и странной склонностью задавать вопросы про «зачем так, если можно еще лучше?» Отец ему тогда и выдал тот самый медальон. Сангрия села на край стола, лист бумаги дрожал в ее пальцах.

— Значит, ты правда работал здесь, Тео, — выдохнула экономка. — И начальник... был тем самым «хорошим человеком»?

Ну, по бумагам я, действительно, тогда был его начальником. Хотя и пару лет назад я больше предпочитал сидеть в своем кабинете, подготавливать схемы для создания автоматов, и никак более не контактировать с работниками завода. Эта честь в основном лежала на плечах моих родителей.

Сангрия медленно опустила лист на стол.

— Если вы правда были хорошим, мсье Рейвенкрофт... — сказала она куда-то в пространство, — Тогда помогите мне.

Я замер. Это последнее, что я ожидал сегодня услышать.

— Помогите мне понять, что с ним сделали и кто его убил. И кто... — девушка быстро пробежалась взглядом по бурым следам на полу. — Довел вас до такого.

В комнате стало ощутимо холоднее даже для меня. Таких просьб в моей жизни еще не было. А слышал я их немало — о деньгах, о заказах, о скидках. Эта же просьба звучала совсем иначе. Еще и с учетом того, что обращалась девушка, в теории, к тому, кто не сможет исполнить ее. Но я ведь... мог?

— Вот и момент истины, — произнес за моей спиной знакомый голос. Конечно, я ожидал этого явления. Мортье стоял у стены, сложив руки на груди. Лицо его было спокойным, но глаза внимательно изучали меня. — Вам нужен был союзник с головой на плечах и, по совместительству, «чистая душа». Вот же она. И она сама просит вашей помощи в решении ваших общих вопросов.

— Она просит о помощи меня, — грубо отрезал я. — Не какого-то там демона, а меня. Колдри Рейвенкрофта.

— Считайте, что «демон», это всего лишь ваша новая должность, — отозвался Жнец. — Человек под ней никуда не девается. Но все же придется придумать, кем вы будете, когда придет время... предьявлять визитку. Если уж вы так не хотите открывать ей все карты.

Сангрия тем временем сидела неподвижно, сжав кулаки. Свечение вокруг нее колыхалось. Свет, изредка перекрываемый тенью настойчивости. Ни одной явной злобы, жажды мести, только боль и решимость.

— Вы можете дать мадемуазель Лоран знак, — негромко произнес Жнец, оказавшись по правое плечо от меня. — Небольшой. Не такой, чтобы она слетела с катушек и побежала к священнику, но достаточный, чтобы она поняла: дом ее слушает.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Не тем вы занимаетесь, Колдри, — вздохнул Мортье, переводя взгляд на маленького автомата на столе. — Сами же сказали, что эта девушка ждет знака от *вас*.

Я проследил за взглядом Жнеца. И действительно, кто еще может подать самый очевидный знак, как не дело всей жизни бывшего владельца этого дома. Практически единственное, что всегда покорно подчинялось мне. Я сосредоточил внимание на автомате — эта довольно примитивная фигурка рабочего с молоточком была сделана мной еще в юности. В обычном режиме он ритмично стучал по невидимой наковальне, сопровождая мое письмо характерным «тинь-тинь». Заводил я его машинально, когда размышлял над чем-то. Сейчас он стоял без движения уже недели две, а то и три.

На боку автомата был крошечный заводной ключ. Я ярко представил, что касаюсь его, поворачиваю. Хотя бы самую малость, чего бы хватило на несколько стуков его крошечного молоточка. Сначала реакции было ноль. А потом я почувствовал, как будто нашел тот самый

зубец, из-за которого все время перескакивала шестеренка, и ключ дрогнул. По невидимой оси прошел крошечный толчок, автоматон неуклюже качнулся в сторону. А потом медленно, натужно, будто через века пыли, поднял молоточек и стукнул по воображаемому металлу. «Тинь». Звук был тихим, но в гробовой тишине кабинета прозвучал, как выстрел. Ну да, так себе сравнение. Но все же, Сангрия отреагировала на этот звук, резко подняв голову. Автоматон снова поднял руку. «Тинь». И еще раз. «Тинь». Девушка медленно повернулась, ее взгляд остановился на фигурке.

Я затаил дыхание. Абсолютно бессмысленный жест, но ничего не могу с собой поделать. Я заставил автоматона стукнуть еще раз. Трижды! Словно пытался что-то донести азбукой Морзе, хотя я и абсолютно ее не знаю. Сангрия поднялась и подошла к столу.

— Кто здесь?

Девушка протянула руку, очень аккуратно, будто боялась спугнуть... что? Воспоминание? Призрака? Собственный здравый смысл? Пальцы Сангрии коснулись холодного металла, и автоматон тут же остановился. Пружина, которой больше не хватало моего призрачного присутствия,дохнула остатком силы и замерла. Несколько секунд в кабинете царила тишина.

— Я... отчетливо видела это, — прошептала экономка, словно пыталась в чем-то убедить саму себя. Ее взгляд снова упал на лист со списком персонала, потом на механическую фигурку, а затем на подсохшие следы от крови. — Если вы правда здесь, мсье Рейвенкрофт...

От таких выводов я опешил. Неужели девчушка верит в привидений и все в этом роде? Я не сдержал усмешку, ведь не в моем положении было ее осуждать. Но случилось очевидное — девушка резко помотала головой, даже ее взгляд, как мне показалось, изменился.

— Ох, я совсем схожу с ума, — вполголоса произнесла Сангрия, после чего ее глаза тревожно забегали по столу. Глубоко вдохнув, она аккуратно собрала бумаги в одну стопку: долги отдельно, счета отдельно, список рабочих отдельно. И, к моему тихому удовлетворению, письма Делорма положила в самый низ. — С этим всем я разберусь потом. Сначала ты.

И взгляд ее снова упал на документ со списком персонала, не ошибусь, если именно на строчку, где значился «Теодор Лоран». Сангрия аккуратно сложила листок и спрятала его... нет, не в ящик стола (за что я мысленно похвалил ее), а в подкладку собственного платья, где был пришит заранее подготовленный потайной кармашек.

— Практичная, — одобрительно заметил я. — Вороватость во благо — почти добродетель.

— Вам бы поучиться, — отозвался из тени голос Мортье. — Некоторые люди рождаются сразу с потайными карманами.

Сангрия поднялась. Прежде чем выйти, она задержалась на мгновение у двери, чуть наклонила голову, как будто кивнула кому-то невидимому. Этот жест был вежливей, чем все, что я слышал от половины лионской знати при жизни. Дверь за девушкой мягко прикрылась. В кабинете снова остались только я, Жнец и разрозненные тени моих бывших амбиций.

— Ну? — спросил Мортье, отлипая от стены, как тесто от разделочной доски. — Удовлетворены?

Я посмотрел на застывшего автоматона, на пустой сейф, на следы прежних прожектов, захлебнувшихся в векселях...

— Скорее, удивлен. Почему она обратилась за помощью ко мне. Не к юриконсультам или высшим силам. А ко мне, человеку, угробившему собственную жизнь и фамильный завод, — я болезненно скривился. — Не самая разумная ставка.

— Зато честная, — заметил Жнец. — Люди далеко не всегда готовы слепо доверять тем, кого считают непогрешимыми. Им проще говорить с теми, кто уже рухнул. Как и они сами.

Я усмехнулся.

— То есть вы хотите сказать, что я становлюсь покровителем неудачников?

— Я хочу сказать, что у вас может появиться настоящий мотив, который не сводится к «отомстить Делорму» или «заставить Валкура пожалеть». Это редкое событие, и я бы на вашем месте оберегал его.

Откланявшись, словно в нашем разговоре была поставлена точка, Мортье направился к двери.

— Куда вы? — спросил я.

— На пост. Вечер — лучшее время для неожиданных визитов, Колдри. Кредиторы любят приходить в сумерках, когда совесть уже почти спит, а приличия еще бодрствуют.

— Что ж, если к нам вдруг заявится Делорм, дайте мне знать. Я хотя бы постараюсь испортить ему прическу порывом ветра, отточу свои новые навыки.

Жнец хмыкнул и исчез за дверью. Я тоже не спешил здесь задерживаться, но, едва я двинулся навстречу стене, услышал какой-то шорох со стола. Это мой автоматон, нашел в себе последние силы, чтобы, тихо скрипя, занести молоточек над головой. Но завода в нем даже на такое действие уже едва хватало. По итогу, автоматон несколько раз подергал рукой, и она в итоге обессиленно и беззвучно рухнула. Я грустно улыбнулся этому зрелищу. Весь в создателя.

Вечером в столовой поместья было шумнее, чем я ожидал от дома, где недавно схоронили хозяина. Шум, конечно, был относительный. Никто не пел, не смеялся во весь голос, не стучал кружками по столу, но гул голосов, звяканье посуды, шепот и редкие смешки выстраивали тот фон, которого три дня моему дому ужасно не хватало. Сангрия сидела на своем новом месте, не с прислугой низшего ранга, но и не в чести. Край стола, ближе к двери на кухню. Ее тарелка выглядела скромнее, чем у Огюста, но приличнее, чем у посудомоек.

— Положение «над всеми кастрюлями, подо всеми гербами», — иронично усмехнувшись, отметил я. — Почетная середина.

— Самое удобное место, чтобы слушать всех и не быть замеченной, — ответил Мортье, прогуливаясь за спинами слуг. Сейчас он выглядел просто еще одним неприметным работником. Кивни ему кто-нибудь, и тут же забудет, как он выглядит.

— ...и говорю я ему, мсье Делорм, — возмущался повар, разливая похлебку, — что цену на мясо он завысил! А он мне: «Рынок, мсье Патрик, рынок!» Да у нас, кроме него, нет рынка на этой улице!

— Мсье Делорм лучше знает, как устроен рынок, — хмыкнул Пьер. — Главное, чтобы он был устроен в его пользу.

Кто-то из посудомоек сдавленно хихикнул. Огюст грозно покосился — тишина восстановилась примерно на полсекунды.

— А взрыв-то помните? — подал голос старый садовник, у которого язык был подвижнее его ног. — На заводе, то есть. Как грохнуло, у меня в огороде все куры снеслись где стояли!

— Луи, — устало выдохнул Огюст, — куры у тебя всегда сносятся где попало, не валяй все на завод.

— А я скажу, на что валять, — упрямо продолжал садовник. — С тех пор ведь люди шепчутся, мол, не просто так то все. Мол, кто-то помог.

Я наклонился ближе. Проследив за Сангрией, убедился, что та тоже наострила уши, хоть и делала весьма отстраненный вид.

— Кто шепчется? — невинно спросила она, зачерпывая похлебку. Луи оживился, он любил благодарную аудиторию.

— Люди в городе, мадемуазель! — заговорщицки зашептал он. — Говорят, что мсье и мадам Рейвенкрофт... ну, царство им небесное... мешали большим людям. Что не хотели продавать свои чудеса техники всяким там шишкам.

Он кивнул куда-то в сторону, где в воображении каждого присутствующего располагались «они»: министры, генералы, знатные господа и прочие воплощения абстрактной власти.

— Вот они и помогли несчастью случиться.

— Чушь, — отрезал Огюст. Но прозвучало это крайне неуверенно.

— А что? — влез Пьер, которому из-за недопитой кружки вина требовалось компенсировать недостаток впечатлений языком. — Говорят, у завода были враги покруче нашего Делорма. Что маркиз...

— Пьер, — холодно произнес Огюст, — в приличных домах фамилии больших людей не произносят между супом и десертом.

— ...один некий маркиз, — тут же поправил себя лакей, — очень хотел получить эти... как их... сердец-машины.

— Сердцевинные механизмы, — машинально вырвалось у меня. — Не мог же ты запомнить такое слово, Пьер, не обижай мою память.

— Сердечники что ли? — переспросил садовник. — Ну да, такие, что вместо души у автоматов. Я про эти чудеса техники и разговор веду!

— Вы много говорите, Луи, — устало заметил Огюст. — Мадемуазель Лоран, прошу прощения. Не слушайте их, взрыв был несчастным случаем.

— А откуда вы знаете, мсье Огюст? — мягко спросила Сангрия.

— Как это откуда? Так в отчете написано. И мсье Гиро подтвердил.

— Вы были там? — уточнила девушка. — Видели экспериментальный цех после происшествия?

— Нет, мадемуазель, — признал дворецкий. — Нас туда не пускали. Но это же завод Рейвенкрофтов, там все было под тщательным контролем.

Я коротко хмыкнул.

— Под контролем были только шестеренки механизмов. Все остальное жило своей жизнью.

— Простите, — не отставала Сангрия, поправляя прядь рыжих волос. — а кто еще тогда получил доступ в тот цех? Кто расследовал?

— Пожарные, — отозвался повар, которому нравились сплетни не меньше садовника. — Полиция. И еще кто-то «сверху». Я тогда в лавке у брата был, слышал. Говорили, приезжал кто-то из Парижа.

— Из Парижа? — переспросила девушка.

— Ну да, — кивнул он. — Кто-то с королевской печатью. Вроде как хотел признать завод опасным объектом и забрать под корону. Но потом все как-то затихло.

— Зато Делорм-то как оживился, — мрачно вмешался Пьер. — Начал бумаги таскать чаще, чем повара хлеб.

— Хватит уже сплетен, — жестко отрезал Огюст. — У нас тут дом, а не кабак.

Голоса стихли, но полученная информация сделала свое дело. Сангрия опустила глаза в тарелку, а мысленно явно смотрела совсем в другую сторону. Впрочем, как и я. Приезжали из Парижа, повторил я про себя, сразу после взрыва. А потом все замяли. Знакомый почерк! Мсье Мортье, прислонившись к дверному косяку, преимущественно смотрел на нас троих: на садовника, несущего чушь с крупными правды, на девушку с заводским медальоном, и на меня, висящего чернильным пятном в воздухе.

— Видите, Колдри? — мягко сказал Жнец. — Дом уже дает вам больше улик, чем полиция.

— Он, скорее, дает слухи, — возразил я. — Уликами я бы мог назвать документы, подписи и печати.

— И их у вас тоже достаточно, — кивнул мужчина в сторону кабинета. — Нужно лишь время, чтобы их перелопатить. А еще есть человек, который умеет читать между строк не хуже, чем между пятен на скатертях.

Я смотрел на Сангрию. Девушка ела машинально, взгляд ее слегка растерялся в пустоте. Она уже составляла в голове свой список вопросов. Я и сам когда-то жил подобными списками, и знал, к чему они приводят.

Не знаю, обостряются ли у таких форм жизни, как я, чувства, но мой слух за эти дни словно стал более острым. Я заметил, что каждое время суток в моем поместье сейчас имело свой собственный звук. Днем дом скрипит, ворчит, эхом отбивает шаги. Вечером перестукивается с ветром и шепчет через щели. Ночью же он слушает. В буквальном смысле тишина становится такой плотной, что каждый шепот кажется ударом молотка по наковальне. Я стоял у окна в коридоре восточного крыла, наблюдая, как в одном из окон вспыхивает и гаснет свеча — это была комната Сангрии.

— Не собираетесь ли вы и сегодня подглядывать? — ехидно поинтересовался Мортье, возникая рядом, на что я театрально закатил глаза.

— В отличие от вас, у меня хотя бы есть оправдание: это мой дом.

— До тех пор, пока Делорм не пересчитает здесь каждую черепицу, — важно кивнув, заметил Жнец. — Тогда чего же мы ждем?

Мы просочились сквозь стену. На столе в крошечной комнате едва светил огарок свечи, рядом стояла чернильница, по листу бумаги спешно пробегало перо. Сангрия сидела, склонившись над ним, губы ее были слегка поджаты, а брови сведены к переносице. Я заглянул через ее плечо. При жизни за такое меня сочли бы невоспитанным паршивцем, но теперь у меня был официальный статус бесплотного нарушителя личного пространства. Похоже, Сангрия писала письмо своей больной матушке.

«Мама,

добралась я благополучно. Дом тут большой, старый, с тяжелым воздухом, но очень уютный. Люди, кажется, порядочные. Старый дворецкий Огюст часто ворчит, но, по-моему, сердце у него доброе. Нашла работу экономкой, как и собиралась. Платить будут немного, но жить можно в самом доме, так что на еду и лекарства тебе и Жанетты хватит. Обещаю слать каждую лишнюю монету.

Ты спрашивала, не страшно ли мне будет в доме, где недавно умер хозяин. Страшно было бы в любом месте, где нет работы. Здесь же, наоборот, много работы. Пыль, беспорядок, люди, которые давно не слышали твердого слова. Если честно, мне даже легче, когда руки заняты. Тогда меньше времени думать.

О Тео я узнала нечто важное. Он действительно работал здесь, на заводе Рейвенкрофт, его имя есть в списках. Для меня это было очень важно знать. Мама, я знаю, ты не любишь, когда я говорю такое, но я не могу иначе: то, как он погиб, все еще кажется мне неправдой. Слишком много совпадений, слишком много людей, которым было бы выгодно, чтобы он исчез. И чтобы исчезли те, кто работал с ним. Я обещаю тебе, что не буду делать глупостей. Не буду ссориться ни с кем из сильных мира. Я просто хочу понять, кто виноват и зачем это сделал.

Иногда мне кажется, что сам дом здесь что-то знает. Звучит глупо, но сегодня в кабинете покойного мсье Рейвенкрофта... один из его механических человечков вдруг ожил. Как будто хотел сказать, что меня услышали. Возможно, это просто старая пружина соскочила. Но мне от этих мыслей почему-то... спокойнее.

Молись за меня, мама. А я буду молиться за тебя.

Твоя любимая дочь, С.»

Сангрия остановилась, подула на строчки, чтобы чернила подсохли, аккуратно сложила письмо и спрятала в маленькую тканевую сумку у кровати.

— Видите? — шепнул Мортье. — Уже делится с вами. Через мать, правда, но ведь с чего-то надо начинать.

— Она считает, что я — это дом, — поджав губы, сказал я. — Или соскочившая пружина.

— А вы хотели сразу стать «адским искусителем?» — утробно рассмеялся он. — Репутация наращивается постепенно, Колдри.

Сангрия погасила свечу, но не легла сразу. Села на край кровати, сняла медальон и снова зажала его в ладони.

— Завтра я пойду в город, — тихо сказала она в темноту. — К заводу. Если меня возьмут хотя бы посмотреть со стороны, я что-нибудь, да найду. А если не возьмут... все равно найду!

Я почувствовал, как во мне шевельнулось одновременно два чувства: благоговейное уважение и чисто человеческое беспокойство.

— Собирается идти одна, — пробормотал я. — В руки к тем, кто мог быть причастен к убийству ее брата. Прекрасный план.

— Как будто вы сами не шлялись по подобным местам при жизни, — сухо заметил Мортъе.

— Не сравнивайте. Но я рад, что она хотя бы понимает, куда лезет. И, надеюсь, будет осторожна.

Сангрия наконец легла, подтянула на себя грубое одеяло и, обняв кулак со сжатым в нем медальоном, закрыла глаза. Дыхание ее постепенно выровнялось. Я смотрел на девушку из затемненного угла и чувствовал, как где-то внизу, там, где город спал под легкой дымкой, тихо гудит невидимая сеть: чужие долги, интересы, старые преступления и новые планы. Среди всего этого безобразия — мой спящий завод и люди, которые считают, что он принадлежит им.

— Вы же понимаете, мсье Мортъе, — сказал я негромко, — что я не дам ей идти туда одной.

— А что вы сможете сделать? — напомнил Жнец. — Вас все еще держат эти стены, перемещаться можете только по территории поместья и чуть дальше аллеи. До завода вам, в нынешнем виде, как до ворот рая.

— Прекрасно. Значит, мне нужно либо научиться растягиваться, как резиновая кукла, либо наконец заключить с ней договор.

— Вы так легко произносите это, — с интересом заметил он. — А понимаете ли вы, что именно попросите взамен?

— Пока нет, — честно признался я. — Но знаю, что просить «душу за гроши» не собираюсь.

Я посмотрел на спящую девочку с медальоном, на свет вокруг нее.

— И если уж я стану демоном, то, по крайней мере, с собственным уставом.

Мортъе хмыкнул.

— Демоны с принципами — моя любимая категория, — с улыбкой произнес он. — Они делают мир гораздо интереснее, и, к слову, гораздо опаснее для самих себя.

Жнец сделал несколько шагов к двери.

— Завтра я, как ваш скромный привратник, прослежу, чтобы мадемуазель Лоран беспрепятственно вышла за ворота. А вот вопрос, вернется ли она, это уже ваша забота.

Дом тихо поскрипывал вокруг, словно старый корабль, ожидающий, когда же его снова выведут в море. Семь дней до собрания кредиторов. Один день до похода Сангрии на завод. И неопределенное количество времени до того момента, когда я окончательно перестану быть просто бесполезным сквозняком.

— Ладно, — уверенно сказал я в темноту, где узнавался силуэт спящей девушки. — Утром мы пойдем к заводу. Ты ногами, а я... как-нибудь иначе.

Глава третья

В которой я пытаюсь выйти из дома и натыкаюсь на еще одну форму долговой ямы

У меня всегда были сложные отношения с утром. При жизни это выражалось в том, что я приходил в кабинет с опозданием на час, цепляясь за чашку кофе как за последнюю опору цивилизации, и начинал день не с подвигов, а с созерцания векселей. Теперь кофе был больше недоступен, векселя, к счастью, тоже, но утро все равно ухитряется меня раздражать. Разбудило меня не солнце (а его я теперь воспринимал как обиженный кот воспринимает ванну), а скрип кровати в комнате Сангрии. Я уже научился различать звуки дома: гул старых балок, шаги Огюста, шарканье Пьера... Звуки новой экономки отличались особой целеустремленностью.

Если бы кто-нибудь из заводских рабочих рассказал мне год назад, что я окажусь в таком положении, я бы велел ему проверить автоматон на скрытые дефекты на фоне его разгулявшейся фантазии. Я для приличия некоторое время подождал под дверью Сангрии, после чего привычно пролетел сквозь нее. Экономка к этому времени уже полностью собралась — никаких кружев, минимум рюшек и максимум карманов. Я внезапно осознал, что у нее слишком много карманов для девушки из приличного дома. Это был не гардероб, а просто ходячий склад!

— Умница, — буркнул я себе под нос, наблюдая, как она проверяет, на месте ли кошелек, иголки, нитки и что-то обернутое в тряпицу (неужели, нож?). — Лион любит людей с планами про запас.

На шее, как и обычно, висел медальон, шестеренка с буквой «R». Сегодня она повесила его поверх платья, а не под, как накануне. Словно щит. Или же явная демонстрация причастности. Сангрия спешно спустилась вниз, на кухне быстро выпила кружку чего-то мутно-злаково-кофейного, завернула в узелок кусок хлеба с сыром и кивнула Огюсту.

— Я схожу в город, мсье, — сказала девушка. — Нужно купить щеток, мыла и порошков. Небольшая, почти театральная, пауза.

— И хотелось бы увидеть завод Рейвенкрофт. Если, конечно, это не... оскорбит память.

Огюст помрачнел, как пасмурный день над Роной. Он оглянулся на Мортье, стоящего у двери.

— Мсье привратник, вы проводите мадемуазель?

— Разумеется, — воодушевленно кивнул тот. — Прослежу, чтобы ворота за ней закрылись и снова открылись в нужное время.

— Я не пропаду, мсье, — попыталась улыбнуться Сангрия. — Уже немного изучила город.

Знать Лион «немного», это как знать о тигре «по картинке». Особенно когда ты — юная девушка с подозрительно чистой душой. На улице царил легкая прохлада, туман стелился над гравийной аллеей. Кованые ворота с литерой «R» казались немного обиженными: они призывали, что через них выезжают кареты с гостями, а не выбегают экономки с бедным узелком. Мортье подошел и распахнул створку перед Сангрией.

— Желаю удачи, мадемуазель Лоран, — вежливо сказал он. — Город сегодня благосклонен.

— Я на это надеюсь, — ответила экономка. — Вернусь до вечера.

Девушка шагнула за порог, я, разумеется, шагнул следом. И врезался в стену. Не буквально, конечно. Никаких кирпичей или забора, который я бы не увидел. Просто в какой-то момент пространство перестало меня пускать дальше. Как будто под ногами натянулся невидимый канат, а в грудь уперлась мягкая подушка. Сангрия сделала еще шаг, затем еще и уже шла по дороге вниз к городу. Я же завис на пороге, как забытый шарф.

— Черт.

— А я предупреждал, — отозвался рядом Жнец, небрежно привалившись к створке. — Радиус действия — поместье и частично окрестности. Вы, можно сказать, на поводке.

Я попробовал протолкнуться вперед еще раз. Ощущение было странным: не боль, не холод, а скорее, как если бы тебя очень вежливо, но настойчиво выпроваживали из дорогого магазина, где ты уже один раз ничего не купил, а пришел только поглазеть.

— То есть я должен сидеть здесь и ждать, пока она одна пойдет к моему заводу?

— Ну, можете смотреть ей вслед, — зубоскалясь, любезно предложил Мортье. — Или дожидаться у ворот, как сторожевая собачка. Тоже форма участия.

Я сжал кулаки, напряжение внутри росло. Не физическое, но что-то вроде пружины, которую закручивают, не давая провернуться. Фигура Сангрии стремительно уменьшалась на горизонте, медальон на ее шее мелькал в утреннем свете. «R», шестеренка. Знак моего завода, мой знак... Внезапно та самая пружина внутри меня дернулась. Поместье и частично окрестности, вспомнил я слова Мортье. Но что, если...

— Скажите, — тихо обратился я к Жнецу, — когда вы говорили «поместье», вы имели в виду стены? Землю? Или... то, что носит это имя?

Он чуть приподнял бровь.

— Осторожно, Колдри, — настороженно заметил Мортье.

— Что не так?

— Сейчас вы... думаете.

— Ох, ну надо же, такое случается и с мертвыми, — огрызнулся я. Но, похоже, это было бинго. Можно было хотя бы попробовать реализовать мой спонтанно возникший замысел. Я сосредоточился на медальоне на шее Сангрии, на знакомых насечках, крошечных зазубринах, которые помнил пальцами еще при жизни. На том, что в этом куске металла — мое имя и мой труд. Часть своей души я уже давно впалял именно туда, в шестеренки, винты и логотипы. На миг, короткий, как вспышка, мир вокруг ворот померк. Перед глазами осталось только одно: маленький круглый диск на груди Сангрии, качающийся в такт ее размеренным шагам. Я шел за ним, даже нет, скорее, тянулся. Ощущения были новые, меня больше не держала земля, я не чувствовал собственного «тела» вообще. Была только точка и пространство вокруг нее, смазанное, как картинка в старом и пыльном калейдоскопе.

— Нет, я не шучу, будьте осторожнее, — донесся откуда-то издалека голос Мортье, будто через стену. — Не порвите себе... идентичность.

— Заткнитесь, — бросил я. По-моему, мысленно, хотя я уже давно перестал замечать, где конец формы, а где начало мысли. Я снова вцепился сознанием в медальон и окончательно провалился. Город ударил в меня шумом, запахами и светом. Я слышал крики торговцев, скрип телег, лай собак, звон колоколов. После трех дней в полумертвом поместье это было как выстрел из пушки в закрытой комнате. Я чуть не вылетел обратно к воротам.

— Спокойно, — приказал я себе. — Дыши.

Ах да, я ведь не дышу. Ну, постараюсь хотя бы имитировать дыхание, чтобы совсем не потерять себя в этих ощущениях. Я попробовал «раскрыть» восприятие не слишком широко. Вместо того чтобы хватать все и сразу, сосредоточился на малом радиусе, а если еще точнее, на Сангрии. Меня встретил целый набор ощущений: тепло тела рядом с холодом металла, ритм шагов, дуновения воздуха. А потом появились и картинки. Каменные дома, нависающие над узкой улицей. Фасады с облупившимися ставнями. Вывески — сапожник, булочник, портной. Лужи на мостовой, низкое серое небо. Вот он, Лион, каким я его всегда знал.

Отчетливее стал слышен голос.

— ...сегодня хлеб подорожал, мадам Жюстин, — обсуждала Сангрия с пожилой торговкой, пробегая взглядом по товару. — Но качество, как я вижу, не улучшилось.

— Так зерно же, милая, — вздохнула та. — Все дорожает. Заводы вон чудесные понастроили, а бедному человеку все одно.

— Ну какая ирония судьбы, — фыркнул я. — Мои заводы виноваты в ее дорогом хлебе!

Чем ближе к реке, тем больше Лион становился похож на разбуженный механизм. Дома теснились, словно шестерни единого механизма, переулки переплетались. Люди двигались потоками туда-сюда, к рынку, к докам, к мастерским. Завод Рейвенкрофт был виден издалека. Не из-за высоты, в городе хватало зданий и повыше, а из-за своей неуместности. Над старым кварталом, где все было коричневым, серым и черным, поднималось нечто стеклянно-железное, с широкими окнами, пологой крышей из прозрачных секций, с рядами труб. Даже в нынешнем полумертвом состоянии он выглядел, как кусок будущего, случайно врезанный в позавчерашний день.

— Дом, милый дом, — пробормотал я. — Только не мой уже. Но это пока.

Сангрия остановилась на перекрестке. Перевела дух, поправила шаль на плечах и медальон, а затем направилась к заводу.

— Нервничает, — отметил я, словно мне отчасти передалось состояние девушки.

— Конечно, она ведь живой человек, — парировал откуда-то леденящий, но спокойный голос. — В отличие от вас.

Я едва не вылетел из медальона от неожиданности.

— Вы тоже здесь?!

— Не переживайте, я не покидал поместья. Вы мой, скажем так, удаленный клиент. Я могу, при желании, подслушивать, куда вы суете свой нос. Но только как сторонний наблюдатель.

— Прекрасно, — простонал я. — У меня нет ни минуты приватности.

— У вас есть вечность приватного небытия в перспективе, — напомнил Жнец. — Так что наслаждайтесь текущими опциями, пока есть возможность.

У ворот завода былолюдно. Рабочие входили и выходили небольшими группами, кто-то стоял, курил, кто-то ругался. Надо всем этим высился каменный портал с тем же знаком, что болтался на шее у Сангрии. Только здесь он выглядел грубо вписанным. Кто-то уже пытался приладить над ним другую букву, другой герб. Но металл сопротивлялся, ни одна новая эмблема пока не удержалась.

— Упрямый, — с удовлетворением заметил я. — Весь в папку.

У входа стояли привратник завода (я его помнил, морда кирпичом, но человек был честный) и новый надсмотрщик, в аккуратном жилете и с видом человека, который знает, сколько кто должен и кому.

— Нанимают? — спросил кто-то из очереди.

— Мужиков, — отозвался надсмотрщик. — Руки нужны, головы уж потом. Женщин берут только на легкие работы, но если есть рекомендации.

Сангрия подтянула шаль и вышла вперед.

— Простите, мсье, — вежливо сказала она. — Мне нужна работа. Я умею считать, вести книги и присматривать за порядком.

Надсмотрщик оглядел ее так, словно оценивал товар на рынке.

— Ведением дел у нас занимается господин Делорм, — ровно ответил он. — Порядок у нас свой. Что вы умеете еще?

— Быстро учиться. И держать язык за зубами, если это необходимо.

— В какую часть завода хотели бы? — спросил привратник завода, смягчив голос. — В швейный цех? В сборочный? В столовую при мастерской?

— Туда, где работал мой брат, — прямо сказала Сангрия. — Теодор Лоран.

Девушка чуть приподняла медальон.

— Он получил это здесь.

Воздух вокруг портала на секунду стал плотнее. Привратник моргнул.

— Лоран... Высокий такой, черные волосы, шрам над бровью?

— Да, — жадно выдохнула Сангрия.

— Работал в экспериментальном отделе, — вставил надсмотрщик сухо. В его голосе прозвучала раздраженная нота: не любил он, когда разговор уходит из-под контроля. — Но отдел закрыт.

— Но как? — не отставала девушка. — Совсем? Там больше никто не работает?

Надсмотрщик криво усмехнулся.

— Это уже не ваше дело, мадемуазель. Эксперименты закончились. Вместе с шефами.

Он кивнул куда-то в сторону административного корпуса.

— Если ищите брата, обратитесь в мэрию. Хотя, скорее всего, вам дорога на кладбище. Завод никому ничем не обязан.

У меня внутри что-то надломлено хрустнуло.

— Я запомню твое лицо, мерзавец, — подумал я. — Когда-нибудь ты ляпнешь лишнее при неправильном человеке.

— Простите, мсье, — голос Сангрии остался вежливым, но стал жестче. — Но мой брат писал, что его начальство, люди честные. Что здесь дорожат рабочими, и что здесь...

— Начальство сменилось, мэм, — оборвал ее надсмотрщик. — Времена меняются. Если хотите работать, идите в прачечную. И не суйте нос туда, куда не просят.

Он уже собирался отвернуться, как вдруг из-за его плеча выглянул кто-то еще.

— Мсье Баптист, — окликнул кто-то из рабочих, — вам к почтовому ящику записка!

Старик, выходящий из ворот, остановился. Я узнал его, и у меня внутри все на секунду оборвалось. Мастер Баптист Ардуан, мой старший механик. Седые волосы, собранные в хвост, упрямые брови, руки в масле, взгляд как у того самого старого пса, который помнит, как выглядел дом до пожара. Он повернулся, собираясь что-то ответить, и увидел Сангрию. А точнее, медальон на ее груди. Его лицо изменилось, совсем чуть-чуть, но я увидел это напряжение в челюсти и вспышку в глазах.

— Где вы это взяли, мадемуазель? — хрипло спросил он, делая шаг вперед.

Надсмотрщик поморщился.

— Мастер Баптист, нам не до...

— А я и не к вам обращаюсь, — неожиданно грубо отрезал старик.

Сангрия почти инстинктивно прижала медальон рукой.

— Это было у моего брата, мсье, — ответила девушка. — Теодора Лорана. Он работал здесь... и погиб по дороге домой.

Несколько рабочих рядом перестали перешептываться и уставились на них. Баптист смачно выругался себе под нос: так, что даже я, проживший среди механиков, искренне оценил новизну выражений.

— Лоран... — повторил он. — Черт бы побрал...

Он резко обернулся к надсмотрщику.

— Мсье Реми, я на обеде, — и, не дожидаясь ответа, подошел к Сангрии. — Пойдемте, мадемуазель. Здесь разговаривать не будем.

— Мастер Баптист... — скептически сводя брови к переносице, начал надсмотрщик.

— Мне платят за механизмы, а не за молчание, — рявкнул старик. — За молчание вам платят другие.

Я бы заплодировал, если бы у меня были ладони. Сангрия на секунду растерялась, но быстро взяла себя в руки. Кивнув, девушка пошла за ним, вдоль стены, в сторону боковой калитки. Я скользнул следом, вцепившись в медальон еще крепче. На миг мир вокруг смазался, но все же удержался. Баптист и Сангрия вышли в узкий переулок за заводом. Вдалеке был

слышен глухой шум цехов, но сами цеха отсюда не видны. Баптист обернулся, убедился, что их никто не преследует, и только тогда выдохнул.

— Дурак, — сказал он не то себе, не то миру. — Старый, слепой дурак.

— Простите? — Сангрия остановилась в двух шагах.

Старик посмотрел на нее тяжелым взглядом.

— Да я про себя, мадемуазель, — хрипло сказал он, после чего наклонился ближе. —

Теодор... был хорошим парнем.

Девушка судорожно вдохнула.

— Вы знали его?

— Я сам подал прошение выдать ему этот медальон, — мрачно ответил Баптист. — За одну идею. За *слишком* хорошую идею. Если бы я тогда не вдохновил его... кто знает, быть может, мальчик был бы сейчас жив.

— Что за идея? — беззастенчиво спросила Сангрия. Мастер замолчал на несколько секунд, я видел, как в нем борются лояльность, страх и вина.

— Не здесь, — все-таки выдавил он. — Стены все слышат. И не все стены — кирпичные.

Баптист покосился в сторону административного корпуса, после чего снова перевел взгляд на девушку.

— Вы далеко живете отсюда, мадемуазель?

— В поместье Рейвенкрофтов. Работаю там экономкой, — быстро ответила Сангрия, отчего техник, как мне показалось, побледнел.

— Мсье Колдри... ох. Я не смог прийти на похороны. Это было слишком... — несколько мгновений Баптист словно подбирал нужные слова, после чего махнул рукой. — Ладно, сейчас это не так важно. Вечером, когда стемнеет, я подойду к задней калитке поместья. Если вы хотите узнать про вашего брата, приходите. Но будьте готовы к тому, что правда хуже тех сказок, что вы могли слышать ранее.

Девушка вскинула подбородок.

— Хуже, чем «разбойники на дороге» и «несчастный случай в цеху»? Я готова.

— Никто не готов, — мрачно произнес Баптист. — Но некоторым все равно приходится нести эту ношу знаний...

Он повернулся, собираясь уходить, но задержался, снова взглянув на медальон.

— И да, мадемуазель, — добавил он уже почти шепотом. — Берегите свое сокровище. Сейчас за этим знаком идут те, кому не стоило бы знать даже, как он выглядит.

И старик ушел, не оглянувшись. Я остался висеть, внутренне разрываясь между тем, чтобы сорваться и броситься за ним следом, и тем, чтобы остаться рядом с Сангрией. Второе победило: к тому же, отдалиться от медальона я никак не мог. На лице девушки в этот момент боролись тысяча эмоций, и я до конца не мог понять, какая из них превалирует. Сангрия быстро вытерла глаза тыльной стороной ладони, выпрямилась и потянулась во внутренний карман платья. Я насторожился. Девушка вынула оттуда сложенный клочок бумаги! Стало ясно: кто-то успел подсунуть ей записку, но кто и когда? Я ведь так тщательно следил за всем происходящим... быть может в тот момент, когда Сангрия протискивалась через толпу к воротам завода?

Девушка развернула записку.

«Если хотите знать правду о взрыве, держитесь подальше от мсье Делорма.

Иначе вы разделите судьбу своего брата.

Доброжелатель».

Сангрия перечитала дважды, ее губы сжались в одну плотную линию.

— Слишком поздно, — тихо сказала она. — Я уже на пути к тому, чтобы подойти ближе.

И останавливаться не собираюсь.

Обратная дорога до поместья показалась мне короче. Возможно, потому что мысли мчались быстрее шагов. Баптист жив и он явно что-то знает. Вечером он придет к моему дому обсуждать что-то с Сангрией. А я все еще демон в процессе оформления, сквозняк при собственном портрете.

— Вам нужно определиться, — внезапно отчетливо произнес Мортье. — Продолжать играть в честного призрака или переходить к следующей стадии.

— Вы про контракт, — буркнул я. Как же вся эта официозность меня бесила при жизни. Вот и сейчас одна мысль про то, что я обязан подписывать какие-то договора, внушала ужас. А с учетом «особых» условий, и подавно.

— Про то, насколько далеко вы готовы зайти ради ответов на свои вопросы, — спокойно ответил Жнец. Я посмотрел вниз, на медальон, на шестеренку, в которую сейчас был буквально впаян. На Сангрию, идущую по знакомой дороге к поместью. Город медленно оставался позади.

— Я не хочу подписывать с ней классический дьявольский договор. Не приду ночью, не предложу «душу за исполнение трех желаний».

— Конечно, это и не в вашей компетенции, Колдри.

— Я хочу, чтобы Сангрия понимала, на что идет, — продолжил я. — Чтобы знала, кто я, чем рискует, и могла отказаться.

— Желаете честной сделки? — подвел итог Жнец. — Это, как минимум, любопытно. И сложно.

— А я всю жизнь делал сложные вещи. Привык.

Впереди выросли ворота поместья. Я почувствовал тот самый невидимый барьер, который утром не пустил меня за них изнутри. Интересно, что будет сейчас, когда я, по идее, «снаружи», но зацеплен внутри за медальон. Ответ оказался простым: меня протянуло сквозь барьер, как нитку сквозь игольное ушко. Мир дернулся и снова выровнялся, я оказался на аллее, ведущей к дому. Сангрия шагала по гравии, Мортье, облокотившись на столб ворот, медленно захлопывал створку. Его взгляд скользнул по медальону, и на лице мелькнула тонкая, почти незаметная улыбка.

— Поздравляю, Колдри, — тихо произнес Жнец, когда Сангрия прошла мимо, даже не обратив на него внимание. — Вы обнаружили первую лазейку в своем положении.

Я покосился на него.

— Это законно?

— С точки зрения чьего закона? — приподнял бровь привратник. — Мира мертвых? Мира живых? Пока вы не вмешиваетесь ни в один из них слишком грубо, никто против не будет.

Сангрия уже поднималась по ступеням поместья. Вечер пока был далеко, до визита Баптиста еще несколько часов. До собрания кредиторов шесть дней. До того момента, когда я, возможно, поставлю свою подпись под самым странным контрактом в моей посмертной карьере, еще не ясно сколько, но явно меньше, чем вечность.

— У меня мало времени, — сказал я сам себе, но Мортье не упустил возможность на это ответить.

— Верно. Но именно это делает ваши решения такими особенными.

Я посмотрел на удаляющуюся фигуру Сангрии, на дорогу к заводу, которую она только что прошла, и вдруг очень отчетливо понял. Я уже сделал первый шаг к тому, чтобы стать демоном. Не выстрелом в висок, и даже не сделкой со Жнецом, а решением вмешиваться в жизнь обычной живой девушки. Теперь оставалось лишь не превратить ее в сопутствующий ущерб.

До сумерек дом мучил Сангрию мелочами. Она пыталась работать, правда пыталась. Проверяла скатерти, делила белье на стопки, ругалась с Пьером за съеденный пирог (а я бы

уже огрел его той кастрюлей, что во время спора стояла буквально у нее под рукой), но все время косилась на окно. На тот дальний угол в саду, где за изгородью пряталась задняя калитка. Каждый раз, когда стрелки старого часового механизма на лестнице щелкали, ее пальцы едва вздрагивали. Я видел, как мысли Сангрии утекают из списка полотенец к одному единственному имени в сложенном листе под подкладкой платья.

— Ты не умеешь ждать, девочка, — пробормотал я, усевшись на перила. — Еще одна монета в копилку наших общих черт.

Ближе к вечеру Сангрия сама спустилась на кухню. Огюст с блокнотом проверял, кому чего выдать, все слуги шумно сустились.

— Мсье Огюст, — начала она осторожно. — Я выйду ненадолго в сад, хочу подышать воздухом. Буду к ужину.

Дворецкий поднял на нее уставший, но цепкий взгляд.

— Мадемуазель, вы сегодня смогли попасть на завод? — это был вопрос, но прозвучал он, скорее, как констатация факта.

— Да, мсье, — честно сказала Сангрия. — Мой брат когда-то работал на заводе. Я хотела узнать больше о... его работе.

В уголках рта Огюста дрогнула морщинка.

— И что вы узнали? — голос был сух, но не равнодушен.

Экономка на мгновение замолчала. Похоже, размышляла, стоит ли и дальше строить из себя таинственность и загадочность перед людьми, которые уж точно ей не враги? Которые могут способствовать поиску ответов на вопросы? Или было слишком эгоистично втягивать их в дело, которое, как было обозначено в записке, может лишь подтолкнуть «разделить судьбу ее брата»?

— Что сейчас на заводе работает много людей, которые делают вид, что ничего не помнят, — решив что-то для себя, ответила Сангрия. — И один человек, который помнит слишком много. Он придет сюда вечером.

В кухне стало на секунду тише, даже повар перестал греметь крышками, разве что, уронил одну из них с чугунным грохотом.

— Куда? И кто? — уточнил Огюст, сводя брови к переносице.

— В сад поместья. Мастер Баптист, механик завода. Он работал с мсье Рейвенкрофтом. И с моим братом.

Огюст медленно выдохнул, рука с карандашом чуть дрогнула.

— Вы знаете, что делаете, мадемуазель? — спросил он негромко. В этом «знаете» звучало слишком много других невысказанных фраз: «понимаете, во что лезете?», «готовы ли?», «не слишком ли молоды для этого?».

— Нет, — честно ответила Сангрия. — Но хуже моего бездействия в прошлом уже ничего не будет.

Дворецкий долго смотрел на нее, после чего тяжело кивнул.

— Сад относится к территории дома, — произнес он так, будто наизусть озвучивал какое-то правило. — А дом все еще принадлежит мсье Рейвенкрофту. Если уж вы решили ворошить прошлое, мадемуазель Лоран, делайте это здесь, нет нужды прятаться за деревьями.

— Я... — Сангрия замаялась. Похоже, дворецкий практически давал добро на любые расследования, при этом разрешал проводить их в таком сокровенном месте, как стены этого дома. Что, впрочем, было безопаснее спонтанных встреч в саду, ведь любопытные глаза и уши могли быть везде. — Думаю, сад выбран мсье Баптистом не просто так. Как мне показалось, ему тяжело посещать непосредственно само поместье.

— Немудрено. Этот старый механик очень любил мсье Колдри и заботился о нем, как о собственном сыне. Такая потеря стала для мсье Баптиста... тяжелым ударом.

— Скажите, мсье Огюст, а вы любили мсье Рейвенкрофта?

Сангрия будто сама удивилась, что спросила это вслух. Уголки губ дворецкого чуть дрогнули.

— Я служил его отцу, — сухо начал он. — И его деду. Видел, как мсье Колдри рос, как впервые сам заперся в кабинете, чтобы ему не мешали работать, как послал к черту мсье Делорма, как спьяну поцеловал знатную даму на званом ужине, и как рыдал над остановившимся сердцем одного из автоматов, не подлежащему ремонту. Любовь ли это, не знаю. Но для меня он всегда был частью этого дома, мадемуазель. Как эти стены, как эти часы.

Огюст опустил глаза, на некоторое время замолчав.

— Я плохо справился. Должен был быть рядом, а не перепроверять список дел прислуги, когда...

Дворецкий осекся.

— Когда он выстрелил, — тихо закончила за него Сангрия. Я почувствовал, как у меня внутри что-то сжалось. Я стрелял один, не надо причислять себя в свидетели моей глупости, Огюст. — А если бы... вы могли спросить его о чем-то сейчас, о чем бы спросили?

Вопрос Сангрии был, мягко скажем, внезапный. Даже Огюст на миг замер, взгляд его потяжелел, а я заинтересовано затаил отсутствующее дыхание.

— О том, стоило ли оставлять нас с этим домом, с его долгами и с его врагами наедине, — дворецкий отвернулся, делая вид, что снова погружается в списки. — Но ответа я все равно не услышу. Так что, работайте, мадемуазель. Это единственное, что здесь еще имеет какой-то смысл.

Немного поразмыслив, экономка вежливо кивнула Огюсту и направилась к дверям, ведущим в сад. Я еще некоторое время смотрел в затылок своему дворецкому. Своим глупым поступком я вовсе не хотел никому подкладывать свинью, это всего лишь результат моей слабости. Не переживайте, мсье Огюст, скоро я избавлю вас всех от этого груза ответственности. Надеюсь, что скоро...

Сумерки в саду казались нарочито театральными. Небо посинело, деревья превратились в черные силуэты, где-то на ветках каркали вороны, неофициальный герб моего поместья. Гравийная дорожка к задней калитке была едва видна. Сангрия пришла раньше условленного времени и теперь ходила туда-сюда, как маятник.

— Может, он не придет, — тихо бормотала девушка себе под нос. — Может, передумал... или его кто-то остановил.

— Если его кто и остановит, то только собственная совесть, — заметил я. — Мсье Баптист, если что-то надумал, то прет к своей цели, как танк.

Девушка остановилась, обняла себя за плечи и втянула голову в шаль. Было прохладно, хотя я этого особо не ощущал, но мог судить по поднявшемуся ветру.

— Тео, — прошептала Сангрия, глядя в темноту, — если я все делаю правильно... дай мне знак.

Я фыркнул. Это что, мне теперь и за покойного брата ее отвечать? В этот момент в ветвях рядом что-то громко хлопнуло крыльями, и с ворчливым карканьем с ветки сорвался ворон, пролетел прямо над головой Сангрии и сел на столбик калитки. Девушка проследила за ним взглядом, после чего хмыкнула.

— Что ж, спасибо. Сочту это за согласие.

— Если что, я тут не при чем, — невинно произнес я.

— Неужели? — беззлобно отозвался из темноты голос Жнеца, а я чуть на месте не подпрыгнул.

— Мсье Мортье! Вы следите за каждым моим шагом?

— Я слежу за балансом, — ответил он. Теперь Мортье стоял в тени дерева, практически сливаясь с ней. — Вы хотели подать знак от мертвого. А мертвые иногда пользуются услугами... скажем так, своих коллег по цеху.

Я хотел что-то ответить на это, но послышался тихий скрип створки. Задняя калитка приоткрылась, и вошел Баптист Ардуан собственной персоной. Днем он казался просто упрямым и острым на язык механиком, в сумерках же, в полутени сада, он выглядел измученным жизнью стариком.

— Вы пришли, — облегченно выдохнула Сангрия.

— Если уж я во все это влез, пусть хоть раз сделаю что-то правильно, — отрывисто ответил он, захлопывая калитку и оглядываясь. Взгляд старика скользнул по кустам, по аллее, по поместью.

— Удивительно, что этот зверь все еще стоит. Я думал, Делорм уже пустил его по кирпичам.

— Зверь? — непонимающе переспросила экономка.

— Я про дом. Знаете, в народе его все называют «вороньим поместьем», да и не с проста. Здесь дышит не только ветер в кронах деревьев.

Я криво ухмыльнулся. Старина Баптист сейчас был прав в большей степени, чем представлял.

— Пойдемте, — механик кивнул в сторону скамьи у живой изгороди. — Тут ветрено, простынем.

Сангрия слабо улыбнулась и вслед за Баптистом направилась к скамье. Старые доски тихо закрипели под его весом. Экономка села чуть поодаль, положив руки на колени, медальон ее блестел под тенью взошедшей луны.

— Итак, — произнес Баптист, глядя куда-то мимо нее. — Мадемуазель Лоран. Насколько глубоко в кроличью яму вы хотите опуститься и что именно желаете узнать?

Сангрия сжала ладони в кулаки, сминая пальцами ткань на юбке.

— Все, — тихо ответила она. — Все, что вы знаете и можете сказать. Про моего брата, про завод Рейвенкрофт, про... взрыв в экспериментальном цеху.

Баптист медленно кивнул, после чего потер ладони и подул на них, будто согреваясь.

— Ваш брат появился у нас два года назад, — начал механик. — Как сейчас помню, пришел в зал для рабочих с глазами, как у мальчишки, которого впустили в пиратскую сокровищницу. Смотрел на шестеренки будущих автоматов, как на чудо. Вечно все трогал, влезал, куда не просят. Я тогда так ругался! Гнал его от станков, а Теодор все равно возвращался. Ну и в какой-то момент я сдался. Ведь знаете, есть такие люди. Легче дать им инструмент, чем бесконечно гнать прочь.

— Он любил свое дело, — прошептала Сангрия. — Писал мне письма, что наконец чувствует себя на своем месте.

— И в это сложно было бы не поверить, — уверенно кивнул Баптист. — Руки у мальчика были из правильного материала. Не из золота, как любят говорить, а из стали, гибкой и крепкой. Через месяц работы я попросил мсье Рейвенкрофта-старшего дать ему допуск в экспериментальный цех.

Я невольно дернулся.

— Так это изначально была твоя просьба? Вот как...

— Он долго ворчал, — усмехнулся старик с ностальгической теплотой в голосе. — Говорил, «мне хватит одной головной боли в виде тебя, Баптист, не хватало еще твоего не в меру активного протеза в лабораторию». Но в итоге согласился. Потому что видел: мальчишка не просто крутит гайки, он видит суть.

Сангрия слушала старого механика, едва дыша.

— Что же в итоге это была за идея? — нетерпеливо спросила девушка. — Та, за которую вы просили выдать ему медальон?

Баптист опустил глаза и ненадолго замолчал, разглядывая наручные часы на своей руке.

— Вот вы, мадемуазель, когда смотрите на часы, что видите? — внезапно спросил он.

Сангрия несколько раз моргнула.

— Циферблат. Стрелки, — нерешительно ответила она. — Ну и... корпус?

— А внутри?

— Шестеренки... пружины... — продолжила она, внимательно глядя в глаза собеседнику, словно ожидала, что на правильном слове его взгляд изменится.

— А как они останавливаются? — перебил девушку Баптист. — Что происходит, когда часы ломаются? Что удерживает весь этот механизм и заставляет его стабильно работать день ото дня, не отходя от заданного сценария?

Сангрия замолчала.

— Большинство людей даже не задает такие вопросы, — виновато вставил я. — Когда-то и меня он не волновал.

— Эти вопросы задал ваш покойный брат, — тихо произнес Баптист. — Он посмотрел на наш новый прототип автоматона и сказал: «Мсье Ардуан, а что, если он сойдет с ума? Что будет, если он сломается?» Красиво сказал, да? Сойдет с ума... про железо.

— И что вы ответили? — так же тихо шепнула Сангрия.

— Сначала отругал. Сказал, «у нас тут все по расчетам, даже рабочие не успевают сходиться с ума». А потом... ночью я не спал и крутил в руках один его чертеж. Теодор придумал маленькую штуку, назвал ее Страховочный узел. Если в механизме что-то шло не так, он как бы выкидывал из зацепления часть шестеренок, останавливая его сердце. Мы прозвали его «Стоп-сердце». Дурацкое название, но в мастерской прижилось.

Да, это я помнил. В итоге мы назвали этот элемент «Предохранительный контур сердцевины», но суть одна.

— Мсье Колдри... — Баптист перевел взгляд на дом, темный в ночи. — ...когда увидел механизм, сказал, что паренек достоин медальона и надо обсудить это с его отцом. Сказал еще тогда, «не хочу, чтобы мои творения превращались в убийц, если что-то вдруг пойдет не так». Ирония в том, что все пошло не так именно тогда, когда мы пытались не допустить несчастных случаев.

Сангрия прикусила губу.

— Это связано с тем, что вы делали в экспериментальном цеху?

Баптист снова надолго замолчал. Настолько надолго, что даже я начал нервничать.

— Мадемуазель... — начал он медленно. — Вы слышали что-нибудь про сердцевиный механизм?

Мне показалось, что мы с Сангрией вздрогнули синхронно.

— Немного, — осторожно произнесла девушка. — Ходили слухи, что на заводе начали делать машины с сердцами, которые могли... напоминать людей.

— Слухи, как всегда, приукрасили, — сухо произнес механик. — Но зерно истины в них есть. Мсье и мадам Рейвенкрофт работали над устройством, которое могло записывать движения, привычки и голос, как отпечаток. Не душу, нет, они не лезли так высоко. Но для некоторых заказчиков разница между «отпечатком» и «душой» была как разница между черным и темно-серым. Они жаждали большего.

— Кто «они»?

— Видели ли вы, мадемуазель, когда-нибудь господ, которые приходят в мастерскую в перчатках, чтобы не испачкаться об реальность? В сюртуках с хорошими пуговицами, с запахом дорогого табака?

— Валкур, — сквозь зубы процедил я первое возникшее в уме имя.

— Это был один маркиз, — вслух озвучил мое предположение Баптист. — И его банкир. Они хотели сердцевиные механизмы для охраны, для власти, для... я не знаю чего еще. А Рейвенкрофты сказали им твердое «нет».

В саду повисла тяжелая тишина. Только ворон где-то каркнул еще раз, будто поставил тем самым точку.

— И после этого... — начала Сангрия.

— После этого начались «проверки», — глухо продолжил механик. — «Комиссии», люди из Парижа, разговоры по углам, пожарные учения без огня, а также бумаги с печатями, которые никто нам не показывал. Меня держали в стороне, но я видел достаточно, чтобы понять однозначно: завод стал костью в горле для очень больших ртов.

— А что же мой брат?.. — голос девушки дрогнул. Баптист закрыл глаза на несколько секунд.

— Ваш брат тогда неофициально помогал вывозить и доставлять материалы из цеха. Чертежи, детали. В тот день мсье и мадам попросили его отвезти один пакет. Сказали, что это страховка, на случай, если с ними что-то случится.

— Куда он его повез?

— Они мне сказали. Специально, чтобы, если нас начнут ломать через колено, мы не могли выдать все сразу. — старик безрадостно усмехнулся. — Умные были до жестокости.

— И Тео поехал, — еле слышно произнесла Сангрия.

— Да, — кивнул Баптист, после чего тяжело выдохнул. — А вечером нам сообщили, что Рейвенкрофты... мертвы. Экспериментальный цех взорвался. И почти сразу мы получили другую новость, что вашего брата нашли в кювете.

Сангрия устала себе под ноги, ее плечи еле заметно дрожали.

— И никто... — девушка сглотнула, — даже не попытался связать одно с другим? Ни вы, ни полиция, ни...

— Связали, конечно. Только не вслух. Я сразу пошел к мсье Делорму, он сказал: «Это не случайность, а цепочка событий». Он посмотрел на меня, как на мальчишку, который перепутал ключи от двери, и сказал: «Вы, мсье Ардуан, всего лишь старший механик. Оставьте это дело людям с большими связями и финансами, вам туда лезть незачем». А потом, через два дня, ко мне зашли двое. Наигранно вежливые такие, в плащах в пол. Сказали мне с улыбкой от уха до уха: «Вы хороший мастер. Было бы жаль, если бы вы потеряли работу. Или, скажем... семью». Я испугался, мадемуазель. Признаюсь, мне пришлось закрыть рот на замок. Я остался в цеху, когда надо было бежать и говорить об этом на каждом углу.

— Вы... — Сангрия тяжело выдохнула, словно сдерживала в себе слезы, — вините себя?

Баптист грустно рассмеялся.

— Каждый божий день. За вашего брата, за мсье и мадемуазель Рейвенкрофт, за... — старик на мгновение запнулся. — Их наследника Колдри...

В голосе старины Баптиста прозвучала такая боль, что я едва не пошатнулся.

— Этот мальчик не был идеальным, — продолжил механик. — Упрямый, вспыльчивый, гордый, слепой, особенно, когда речь шла о дамах и кредиторах. Но он не был трусом. Не был таким человеком, который... стреляет себе в голову, не попробовав сначала выстрелить в тех, кто его загнал в угол.

Сангрия нервно сжала подол платья.

— Вы думаете, его подтолкнули? Оказывали давление?

— Это... сложно назвать убийством, — хрипло произнес Баптист. — Но по сути, да. Я уверен, что люди свыше заставили мсье Колдри сделать то, что было нужно им.

Я стоял рядом, и каждое слово старика падало на меня кусками каменной кладки. Ты, Колдри, сам нажал на курок, напомнил я себе. Никто не держал твою руку. Но... кто привел тебя в этот кабинет с этим пистолетом? Кто сжимал вокруг тебя стены?

— Почему... ну почему же вы говорите мне это только сейчас? — вдруг вспыхнула Сангрия. — Почему два года молчали? Почему не написали нам, ведь у вас был наш адрес? Не предупредили...

— Мадемуазель... — Баптист виновато опустил глаза. — Я ведь уже сказал вам, что тоже был жертвой обстоятельств. Я ждал, что кто-нибудь другой поднимет этот вопрос. Полиция, газеты, другие рабочие. А они хотели просто не потерять свой хлеб. Но когда я увидел вас... понял, что больше просто не могу молчать.

— Какой в этом смысл, сейчас уже слишком поздно.

— Для мертвых поздно. Для живых... пока нет. Но поймите, мадемуазель, вы спрашиваете про людей, у которых в руках не только деньги, а законы, которые они вкручивают, как винты. Что вы будете делать с этой правдой? К кому пойдете? В мэрию? К самому королю?

Сангрия стиснула в своих пальцах медальон.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я не могу написать королю, но я могу продолжать свои поиски. Здесь, внутри поместья. В бумагах, в том, что оставили Рейвенкрофты. И вы можете мне помочь.

— Чего вы хотите от старого механика? — с легкой улыбкой спросил он. — У меня есть только рабочие руки и тяжелые воспоминания. Ни денег, ни связей.

— Руки для заводных механизмов, — мягко произнесла Сангрия. — И воспоминания, для того, чтобы складывался пазл. А еще вы умеете не бояться так сильно, как они того хотят.

Баптист вскинул брови.

— Мадемуазель, я ведь не девочка, которой можно читать проповеди, — напомнил он. — Я достаточно видел, чтобы знать цену смелости.

— А я достаточно видела, чтобы знать цену трусости, — спокойно ответила Сангрия. — Мой брат заплатил за вашу молчаливую осторожность жизнью.

— Это несправедливо. Вы не были там, вы не видели...

— Я видела, — перебила механика девушка. — Как моя мать ночами плачет в подушку. Как соседи отворачиваются. Как священник говорил во время панихиды: «Бог забрал того, кого любил больше». Если Бог любит именно таким образом, то я скорее предпочту человеческую справедливость.

— Вы жестокая, мадемуазель, — утробно рассмеявшись, сказал Баптист. — В самом лучшем смысле.

Старик не спеша поднялся со скамьи, хрустя суставами.

— Ладно уж. Я помогу, чем смогу. А сейчас мне нужно идти. Но я приду еще, если дом меня пустит.

— Мой дом всегда впускает тех, кто нужен, — тихо ответил ему я. Сангрия тоже поднялась с места.

— Спасибо вам, мсье. За правду. Даже если она... такая, какая есть.

Баптист посмотрел на экономку внимательно. А потом неожиданно поднял руку и, поколебавшись, положил ладонь ей на плечо. Почти по-отечески.

— Вы похожи на него.

— На Тео?

— На обоих. На вашего брата... и на мсье Колдри. — уголки его губ дрогнули. — Похоже, упрямство — это неизлечимая болезнь для всех, у кого на груди этот медальон. Берегите себя, мадемуазель Лоран. И если вдруг решите, что все это выше ваших сил... бросайте все и бегите. Есть вещи, которые даже самый хороший человек не обязан тащить на своем горбу.

— Раньше я быть может и подумала бы, — ответила она, после чего мягко улыбнулась. — Но, боюсь, уже поздно.

Старик усмехнулся, кивая головой.

— И то верно, — согласился он, снова бросая взгляд на наручные часы. — Уже поздно.

Баптист развернулся и ушел к калитке, тень от деревьев проглотила его фигуру. Скрип, щелчок замка, и он растворился во тьме. Сангрия долго не двигалась, просто стояла посреди дорожки, сжимая медальон в кулаке. Потом, неожиданно для самой себя, села прямо на гравий.

Коленям наверняка будет больно, но она даже не обращала внимания. Первые слезы прошли тихо, без рыданий, без истерики, просто стекали по щекам девушки, падая на камни. Я сел рядом. Точнее, опустился на корточки — так, как делал сотни раз в механическом цехе, когда нужно было посмотреть, что там творится под станком.

— Прости, — тихо сказал я. Бессмысленно, но иначе никак. Сангрия вытерла глаза тыльной стороной ладони — привычно, как утром.

— Ты же хотела правды, — обратилась к себе девушка. — Ну вот тебе, получай.

Она опустила голову и обняла себя за плечи. Я смотрел на Сангрию и чувствовал, как внутренний голос, который так любил иронию в уместные и неуместные моменты, на этот раз совсем молчит. Мне хотелось... дотронуться, положить руку ей на плечо, как это сделал Баптист. Сказать: «Ты не одна. Я тоже хочу порвать им всем глотки». Но мои руки проходили сквозь воздух. А любое мое проявленное «чудо» по типу ожившего автоматона сейчас могло только добить ее натянутые, как канат, нервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.